

ПОРТРЕТЫ ЗНАМЕНИТЫХ ПЕРСОН

ВИКТОРИЯ БАЛАШОВА

ШАНЕЛЬ

Цена успеха

Виктория Балашова

Шанель: цена успеха

«Автор»

2026

Балашова В.

Шанель: цена успеха / В. Балашова — «Автор», 2026

Эта книга посвящена биографии Габриэль (Коко) Шанель – одного из ярчайших создателей и пропагандистов «высокой моды», создавшей популярные до сих пор образцы одежды, парфюмерии, аксессуаров. Автор подробно и увлекательно рассказывает о том, как девочка из бедной семьи, дочь бродячего торговца своим трудом и предприимчивостью пробила себе путь к вершинам славы и богатства. Однако ценой успеха стало одиночество: Шанель лишилась родных, не завела семью, а ее любовь каждый раз заканчивалась печальным расставанием. Не скрыта в книге и позорная страница жизни Шанель – ее сотрудничество с нацистскими оккупантами в годы Второй мировой войны. Однако все грехи и ошибки Мадмуазель, как называли ее французы, не умаляют ее выдающейся роли в мире моды и обаяния ее личности, до сих пор вызывающей интерес не только во Франции, но и во всем мире.

© Балашова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. 1883 – 1901 годы	8
Глава первая. Отцы и дети	8
Глава вторая. Рождение Мадмуазель	16
Глава третья. Обазин	24
Часть вторая. 1901 – 1910 годы	30
Глава первая. Первые признаки свободы	30
Глава вторая. Певица кафешантана	34
Глава третья. Возвращение в Мулен	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктория Балашова

Шанель: цена успеха

Нет, я ни о чем не жалею...

За все заплатила, все уничтожила, забыла

Меня не волнует мое прошлое!»

(Мишель Вокер)

Предисловие

Биографии многих известных людей овеяны мифами и легендами. Жизнь Коко Шанель не является исключением – по крайней мере, первая ее половина. Сейчас, в XXI веке, кажется, что Шанель всегда существовала только как бренд, как имя, за которым стоят лишь флаконы с духами, туфли, платья, жакеты и стеганные сумочки. Истинное лицо законодательницы мод, знаменитого модельера, женщины, чье имя навсегда останется вписано в историю парфюмерии, едва проглядывает через весь этот ворох «пуха и перьев».

Двадцатый век – бурный, мятежный, революционный и воинственный. С самого своего начала и до конца он заставлял людей трепетать в ожидании новых поворотов судьбы. Несколько ключевых событий: Первая мировая война, свержение царя и революция в России, Великая депрессия, Вторая мировая война, суровые послевоенные годы и потепление... Казалось бы, события, далекие от мира моды. Но когда происходит смена парадигм, меняются устои, изменения затрагивают все сферы деятельности человека. Разве можно было в такие периоды оставить моду в покое? Не менять фасоны, не укорачивать длину платья, не зауживать и снова не расширять плечи? Нет, конечно. В связи с этим появилась целая плеяда модельеров нового поколения. Они вытесняли тех, кто работал до них, круша и ломая правила, принятые прежде. Среди революционеров моды, в первых рядах – Шанель. Да, ей приписываются нововведения, внедрявшиеся до нее или не только и не столько ею. Однако в истории моды, как мы увидим, для большинства остались только ее имя, ее заслуги. Остальные забыты.

Более того, Шанель не просто на слуху. Она умудрилась именно в периоды полной нестабильности создать себе репутацию, раскрутить свой бутик. Мы увидим, что игнорирование происходившего за окном, оборачивание ситуации на пользу своему бизнесу принесли Шанель баснословные дивиденды. Вокруг война, но всегда найдутся люди, у которых есть деньги и которые захотят даже в такое время хорошо одеваться. Революция в России? Что она могла принести француженке Шанель? Но она принесла знакомства с русскими эмигрантами. Великий князь Дмитрий Романов – духи «Шанель №5», великая княгиня Мария Павловна Романова – знаменитые вышивки. И это только вершина айсберга. А Великая депрессия принесла контракты с Голливудом.

Не все могли похвастаться подобными успехами. Это во время Второй мировой Шанель оказалась в одной лодке с весьма представительной частью французской интеллигенции, которая не брезговала сотрудничать с врагом – «коллаборационировать». Тогда процент от продаж духов Шанель поступал на ее швейцарский счет, так что, несмотря на бездействие ее Дома мод, капиталы не переставали увеличиваться. После войны многим коллаборационистам пришлось отсиживаться в укрожных уголках, а некоторых ожидали суровый суд и не менее суровый приговор. Однако буквально через несколько лет наступила пора потепления, и Шанель, как и все, для кого дело не закончилось казнью, получила второй шанс.

Кроме мифов и легенд, нам хорошо известно, что славе и финансовому успеху далеко не всегда сопутствует счастье в личной жизни. Коко Шанель всегда старалась подчеркнуть свою независимость, отрицала очевидное – желание иметь семью, любить и быть любимой. Судьба не была к ней в этом отношении благосклонной, и тень одиночества с каждым годом все сильнее накрывала ее жизнь.

За шелками и склянками проявляется образ реальной Шанель, великой и таинственной, не опускавшей рук, сильной женщины, страдавшей и любившей. Отгадаем ли мы ее тайну, загадку одного из самых крупных успешных предприятий XX века? Как обычно, в поисках истины сначала стоит отправиться в детство главной героини книги, узнать историю ее рода. А потом мы будем двигаться от первого бутика к созданию первых духов, от коллекции к кол-

лекции, от шляпок к платьям. Но как говорила сама великая Мадмуазель: надо разглядывать женщину, а не ее платье. Платье должно лишь привлекать к ней внимание – если разглядывают платье, значит оно плохо сделано или женщине нечего предъявить окружающим, кроме своей одежды. А Коко Шанель точно есть, что предъявить.

Часть первая. 1883 – 1901 годы

Глава первая. Отцы и дети

В своих воспоминаниях Шанель пыталась изменить прошлое, насколько это было в ее силах. Журналисты и биографы просили ее рассказать правду о семье, детстве и юности. Тяжелая жизнь, лишения, неприглядные детали быта только подстегнули бы интерес публики к статьям и книгам о великой Мадмуазель. Однако спорить с Шанель всегда было бесполезно: она страстно хотела создать собственный миф, который бы заменил ее реальную жизнь. Биографов она боялась и предпочитала выдумывать, сочинять свою историю самостоятельно, без их помощи. Шанель упорно рассказывала об успешном отце, который вел бизнес в Соединенных Штатах, и всячески приукрашивала свое полунищенское существование в детском возрасте. Более того, она скинула себе десять лет, а также поменяла место рождения с одного французского городка на другой. Отец Габриэль родился в Ниме, она сама – в Сомюре, и, тем не менее, она постоянно невозмутимо заявляла: «Я из Оверни!» Казалось бы, зачем ей это? Скорее всего, чтобы замести следы: приедут журналисты в город, а там никто семьи Шанель не знает, правда о ней не всплывет. О родственниках и друзьях, которые могли бы открыть истину, Габриэль приходилось задумываться часто. Но привирать ей это не мешало. Она родилась в нищете, а потом постоянно пыталась скрыть свое происхождение. Версий Шанель выдавала довольно много. Они зависели от обстоятельств, от того, с кем она беседует. Факты легко видоизменялись без особых мук совести, ведь ей всеми способами надо было скрыть то, что на самом деле пришлось пережить в детстве. Урон имиджу – вот чего не могла допустить Коко Шанель, и в ход шло все подряд, включая «кривые зеркала», в которых прошлое смотрелось, на ее взгляд, не так неприглядно.

Мы будем руководствоваться официальной информацией, а не фантазиями главной героини. На сайте Дома Шанель зафиксировано: родилась Мадмуазель 19 августа 1883 года в городке под названием Сомюр «в семье скромного достатка». Статистика показывает, что в Сомюре в годы, когда там родилась Шанель, насчитывалось чуть более четырнадцати тысяч жителей. С небольшими колебаниями такое количество наблюдалось с 1793 по 1954 год. К настоящему времени население города удвоилось, но даже сейчас Сомюр нельзя назвать крупным населенным пунктом, хотя он успешно конкурирует с Шампанью в производстве игристых вин и знаменит несколькими примечательными для туристов памятниками, включая традиционный для Франции замок, возвышающийся на берегу Луары. Однако предки Шанель родом были не из Сомюра. Можно даже сказать, что родилась она там по воле случая. Поэтому нам придется оставить на время городок, который Мадмуазель упоминать не любила и всячески старалась забыть о его существовании.

Первые упоминания о предках Шанель восходят к концу XVIII – началу XIX века. Прадед Габриэль жил в деревне Понтей-э-Брези, в горах. Ранее фамилия этой семьи не упоминалась, так как перепись населения в тех краях начала вестись с 1793 года. Именно тогда в списки занесли Жозефа Шанеля, родившегося 8 июня годом ранее. Происходил он из крестьянской семьи, не владевшей землей. Даже дом, в котором Жозеф жил и работал, он арендовал на скромное приданное, полученное им за Мари Тома. Поженились они, когда жениху исполнилось 29 лет, а до того Жозеф, как и остальные крестьяне в округе, был одновременно поденщиком и ремесленником. На полу он шелушил каштаны в соседском доме, надев тяжелые,

деревянные, с зубцами, как у пилы, башмаки, а зимой долгими вечерами мастерил домашнюю утварь и мебель из лесного дерева. После свадьбы Жозеф получил возможность, о которой его родня даже не мечтала – взял в аренду часть крепкого дома, построенного в 1749 году семейством Боше.

Деревушка Понтей-э-Брези существует и по сей день. В 1873 году в ней проживало 437 человек (согласно переписи 2016 года, а ныне всего 358). Два населенных пункта, Понтей и Брези, объединили в 1812 году именно потому, что населения в них осталось слишком мало, чтобы существовать по отдельности. Понтей-э-Брези отличали и отличают прекрасные виды на окрестные горы, покрытые густыми лесами. Жизнь там течет размеренно, привлекая немногих туристов, любителей мест, не испорченных цивилизацией. В конце XVIII века для жителей деревни развлечений существовало еще меньше, чем сейчас – единственным кабачком на всю округу было заведение Жозефа Шанеля. В настоящее время Понтей-э-Брези гордится родством со знаменитой Коко, которая отрешивалась от своего прошлого, что было сил. Впрочем, жителей данный нюанс не смутил. Один из сельских домов они называли «Шанель» в честь своей соотечественницы. Кто знает, может когда-то именно там и держал кабачок ее прадед: по крайней мере так гласит местная легенда. После того, как в мир иной отошел старший сын Жозефа, никто уже не открывал кабачок для местных жителей. Да и сам дом после смерти Жозефа опустел, ворота в овчарню обвалились, шиферная крыша, которую столько раз заваливало снегом, прогнулась и вот-вот грозила рухнуть, ставни хлопали на ветру.

Чем же занимались немногочисленные жители Понтей-э-Брези, вечерами приходившие к Жозефу пропустить по стакану местного вина? Нынче основную работу жителям предоставляет больница (около ста человек, благодаря ей, имеют стабильный доход). Больница, расположенная в горах, с 1927 года предоставляла санаторно-курортное лечение. И поныне она принимает больных и пожилых людей на постоянное пребывание в большом здании среди великолепных пейзажей. К сожалению, Жозеф Шанель и его соседи не имели возможности получить хорошую работу, а соответственно и приличный заработок. На жизнь местные жители в основном зарабатывали главным образом сбором каштанов, которые по осени продавали на ярмарке, что неудивительно – ведь они в огромном количестве росли по всей окрестности. Хотя большой прибыли данное занятие не приносило, и довольствоваться людям приходилось малым, каштаны для них долгое время являлись аналогом манны небесной: ими питались с утра до вечера, ими торговали, на них, фактически, жили, потому что они являлись и едой, и средством заработка. Обычно еду для всей семьи готовили в большом глиняном горшке, который висел в очаге. На решетке сушились фрукты, которыми зимой кормили скот. Каштанами расплачивались с наемными работниками, с арендодателями, которые приезжали из города, когда заканчивался срок аренды, и они никогда не забывали явиться за причитающейся оплатой.

Прадед Шанель, не имея других помощников на кухне кроме собственной жены, кормил в своем кабачке тем, что они с ней готовили. Помимо вина, в те времена на столы ставили водку, крепость которой вызывала довольные восклицания посетителей. Хозяева сами пекли огромные буханки хлеба в печи, находившейся в том же помещении, где ели гости; потчевали чесночной колбасой и маслом собственного изготовления. И сколько бы Габриэль много позже ни отрицала свое крестьянское происхождение, безумное трудолюбие и практическую хватку она явно унаследовала от своих предков, не знавших ни недостатка, ни сытой жизни, но умевших работать с утра до поздней ночи.

От прадеда Мадмуазель унаследовала еще и свой логотип: знаменитые переплетенные два С. История этого знака весьма прозаична. Жозеф Шанель мебель в доме и кабачке, которые фактически являлись одним и тем же помещением, делал своими руками (другой возможности для него и не существовало). Конечно, обстановка была неказистой: дети спали на соломенных тюфяках, а вещи Мари Шанель хранила в сундуке. Так как Жозеф умел изготов-

ливать неказистую мебель, он своими руками сделал сундук, где обычно крестьяне хранили белье и одежду. Он сам смастерил длинные столы и стулья для завсегдатаев своего кабачка. Доморощенные изготовители мебели, несмотря на всю примитивность получавшегося изделия, обычно ставили на него клеймо в подтверждение своего авторства. Видимо, инициалы JC (*Joseph Chanel*) католику ставить не подобало, так как они совпадали с инициалами Иисуса Христа, поэтому Жозеф решил ставить двойное С, что означало его и жену. Знают ли богатые модницы, поклонницы бренда «Шанель», откуда, с каких в прямом смысле гор, спустился к ним знаменитый логотип? Сама Шанель всю жизнь придумывала легенду происхождения, хоть немного более приемлемого для высшего света, и никогда не произносила название деревушки Понтей-э-Брези. В самой деревушке Шанелей помнят, хотя на местном кладбище нет ни одной могилы представителей этого семейства. От них не осталось ничего, кроме фамилии, начертанной на доме, в котором якобы и находился кабачок Жозефа.

До «каштанового» кризиса кабачок Жозефа процветал, если такое слово применимо к его заведению. Вот как описывает его обстановку один из биографов: «За столом собирались страждущие фермеры, сезонники, которых нанимали для помощи в сборе урожая, корзинщики, искавшие заказов, торговцы-разносчики, которые приходили из города, чтобы сбыть свой хлам, а кроме того, все те, кого зимой и летом удерживала в Понтее необходимость ухаживать за землей, - многочисленная семейная рабочая сила, юноши, мужчины всех возрастов, лесорубы, пастухи, шелководы. Прижавшись к очагу, подрагивая и слегка раздвинув ноги, сидели вечные старики с узловатыми руками»^{1*}.

У Жозефа и Мари родилось пятеро детей. Старшего по традиции называли в честь отца – Жозеф (1830 года рождения). Второй сын, Полин Анри Адриен (1832), впоследствии стал дедушкой Габриэль. Далее родились Жан Бенжамен (1835), Эрнест (1837) и Жозефина (1841). Дата смерти известна только у деда Шанель, да и то примерно – 1913 год. Почему же Полину Анри Адриену и его младшим братьям пришлось покинуть маленькую деревушку и пуститься в далекий путь прочь от родного дома? Сначала они об этом и не помышляли. Старший сын готовился унаследовать отцовский кабачок, а его братьям оставалось только заниматься крестьянским трудом. Однако планы пришлось изменить в одночасье. В пятидесятые годы XIX столетия в Савенны пришла беда: те самые каштаны, на которых основывалась вся местная экономика, поразила неизвестная доселе болезнь, иссушавшая стволы и листву каштановых деревьев. Крестьяне надеялись, что напасть пройдет сама собой. Они устраивали крестные ходы, призывали на помощь святых, но высшие силы никак не отвечали на их просьбы – ситуация оставалась прежней.

В то время по всей Франции прокатилась волна жестокого экономического кризиса. Одновременно с проблемами в экономике страны произошла катастрофа сродни «каштановой»: из Нового Света был завезен вредитель, мушка филлоксеры, поразивший французские виноградники. Он уничтожил около 40% всех виноградников страны, нанеся огромный урон виноделам. В Понтее пытались вызвать специалиста аж из самого Парижа, но в такой ситуации разве до глухой деревушки столичным мудрецам? Никто не приехал спасать каштаны. В кабачке Жозефа посетители стали редкостью, а если и приходили, то вели одни и те же печальные разговоры о сглазе, ведьмах и прочей нечистой силе. Женщины шептались, обсуждая различные способы противостоять напастям: чем обмотать болеющие деревья, что к ним прибить; подойдет ли лапа зайца или лучше взять другое животное; какие древние заговоры использовались их предками. Но ничего не помогало: деревья так и не оправались от затянувшейся болезни.

В такое время двадцатидвухлетнему Полину Анри Адриену пришлось туго. Вместе с братьями он ушел из родной деревни в поисках лучшей доли. Далеко идти они опасались.

^{1*} Гидель А. Коко Шанель. М., 2006

Никогда не видев большого города, не удаляясь от Понтея дальше, чем до ближайшего леса, Полин Анри Адриен постарался найти работу в окрестностях, и это ему удалось, несмотря на все сложности. Он добрался до местечка Сен-Жан-де-Валерискль, расположенного примерно в сорока километрах от Понтей-э-Брези. Расстояние по нынешним меркам смешное, но в те времена про Анри говорили, что он «приехал издалека». Население Сен-Жан-де-Валерискля тогда составляло полторы тысячи человек (в наше время почти в два раза меньше). Там в 1854 году его нанял господин Фурнье, державший питомник шелковичных червей – надо отметить, что именно в севеннском регионе питомников такого рода насчитывалось приличное количество. Сен-Жан-де-Валерискль славился тремя основными видами деятельности: культивированием лука, добычей каменного угля и разведением шелкопряда.

Гены Анри Адриена перешли к его сыну, а потом и к знаменитой внучке: Шанели отличались влюбчивостью. И если последствия, которые влекла за собой эта черта характера, для Габриэль были двоякими, то для деда и отца они однозначно представляли большую проблему. Казалось бы, сначала все у Анри Адриена пошло хорошо: Фурнье относились к нему с долей уважения, которого достоин любой трудолюбивый и умелый работник; дело, порученное ему, ладилось и не вызывало негативных эмоций. Но у четы Фурнье была единственная дочь по имени Эмилия Вирджиния Анжелина (год рождения 1838-й, дата смерти - примерно 1912-й). Долго оставаться равнодушным к чарам юной прелестницы Анри не смог: не прошло и года, как он соблазнил шестнадцатилетнюю девушку. И хотя она не забеременела, ее репутация была подорвана – в ее деревушке после громкого скандала она никогда бы не нашла себе мужа. Поэтому Фурнье оставалось только заставить Анри Адриена жениться. И был бы жених иного статуса, с соблазнением можно было бы смириться, а так – ни достойного положения в обществе, ни денег, ни имущества. Все, что имел Анри, спокойно помещалось в заплечной котомке. Как принято в подобных ситуациях, молодых спешно обвенчали в деревне по соседству. Правда, свидетелями были уважаемые люди, владевшие грамотой, – мэр и местный учитель. На церемонию прибыли и родители Анри. Ни жених, ни невеста писать не умели, поэтому их подписей на документах не осталось.

Сбавив беспутную дочь с рук, чета Фурнье решила, что дело сделано, и перестала с ней общаться: в конце концов, дочь не была наследницей предприятия отца и вышла замуж за бедняка, несмотря на куда более благоприятные перспективы. Теперь обеспечивать юную жену предстояло Анри Адриену. Молодой семье пришлось сняться с насиженного места: Фурнье более не хотели держать на работе Анри и тем более не желали содержать свою дочь, ставшую его женой. Несмотря на все страхи, молодым оставалось пуститься на поиски лучшей доли в большой город. Анри надеялся там встретить свою родню или знакомых из Понтея, которые помогли бы ему устроиться и найти работу.

Городом, в который направили свои стопы молодожены, стал Ним – богатый древними памятниками, но отнюдь не преуспевающий. Крестьянину найти там работу было задачей нелегкой. Однако родственники и друзья, действительно, пришли на выручку. Анри и Анжелина поселились возле городского рынка, где новоиспеченный муж встал за прилавком. Но работа не доставляла ему никакого удовольствия, а главное, торговля не пошла с самого начала. Умение работать на земле, все крестьянские навыки здесь оказались ни к чему. Анри Адриен решил пойти иным путем и торговать на ярмарках, переезжая на телеге с товаром с места на место. Позже его сын, отец Габриэль, продолжит этот незатейливый бизнес. Им была присуща охота к перемене мест, общаться с крестьянами они умели, оттого торговля на ярмарках шла, хоть и с переменным успехом, но довольно стабильно, давая возможность заработать на жизнь.

Надо сказать, характер деда великой Мадмуазель не портили невзгоды. Он принимал все как должное, не пытаясь спорить с судьбой. Новый род деятельности в итоге пришелся ему по душе: он любил поболтать с крестьянами, заодно расхваливая им свой неказистый товар, ему не приходилось проводить время возле жены и детей – жизнь Анри шла вдали от семьи, кото-

рую он изредка навещал в перерывах между ярмарками. Конечно, путешествовать по городам и весям, в любую погоду, на повозке, забитой барахлом – невеликое удовольствие. Но каждому свое: и дед, и отец Шанель нашли в этом своеобразное призвание.

Долгие периоды отсутствия дома не помешали Анри Адриену обзавестись весьма обширным потомством: у него родилось ни много, ни мало 19 детей. Крошка Адриенна родилась последней в 1882 году, всего за год до рождения своей племянницы Габриэль. А вот первым у Анри и Анжелины родился как раз отец Габриэль, Анри Альбер Шанель, который пойдет по стопам отца. Анжелина, которой тогда только исполнилось 19 лет, в одиночестве побрела в родильный приют в Ниме, так как муж в это время торговал на ярмарке, боясь, что не успеет сбыть товар. Никто из родственников не посчитал нужным сопроводить роженицу – своих дел полно, куда еще помогать чужой жене, сама справится, как справлялись другие женщины до нее. Матери Габриэль придется рожать в сходных условиях: самой добираясь до родильного покоя, в отсутствии мужа и других близких.

По большому счету подобное положение дел можно считать даже достижением того времени: ведь первые родильные дома появились в Европе только в начале XVIII века. Представительницы высшего общества по-прежнему рожали дома, но для бедноты появление бесплатных общественных больниц явилось настоящим спасением. Правда, спасение было весьма условным: правила гигиены там не соблюдались (например, медицинские инструменты мыли после, а не до родов, а руки врачи могли просто протереть платком), процент смертности среди матерей и младенцев оставался крайне высоким. Но, по крайней мере, роженице было куда пойти, если дома ей никто не мог оказать помощь. При этом люди состоятельные предпочитали по старинке пользоваться услугами приходящих на дом повитух; рожать в общественной клинике или приюте считалось признаком вопиющей бедности и безысходности. Фактически, чуть ни все младенцы в семье Шанелей рождались в похожих условиях. Семья селилась поближе к рынку или месту проведения ярмарок в беднейших кварталах. Если глава семейства оказывался в отъезде (а это было почти всегда), роженица шла в общественную клинику одна, и никому не было до нее дела.

Да и после родов основной задачей матери и детей оставалось выживание. Дети Анри Адриена сызмальства помогали семье заработать на пропитание. Фактически, дети в бедных семьях становились неким капиталом, который следовало «тратить» умело и с максимальной выгодой. Чем же могли помочь родителям малые дети? Во-первых, родители сдавали их внаем тем крестьянам, которые имели возможность нанять в горячую пору дополнительную рабочую силу. Вокруг Нима на многие километры растянулся сельскохозяйственный район: тот же сбор винограда требовал дополнительных рук, и дети прекрасно справлялись с этой работой. Им не приходило в голову думать о развлечениях или образовании – не до того. Во-вторых, многочисленные отпрыски помогали собственному отцу. Они грузили товар на телегу, переносили его до ярмарки. А ведь мешки с товаром весили прилично. Но и тут не было места жалобам и слезам: так проходило детство отца, братьев и сестер, соседей. Иного примера ребята попросту не видели. Дед Коко Шанель покинул Ним с женой и ребенком, едва прожив там год. И потом, из года в год, из зимы в лето – такова была работа, никуда не денешься – менял города и дома.

Второй ребенок родился уже в Гаре, в 1863 году. Это была Луиза, будущая тетюшка Габриэль, к которой та ездила после смерти матери на каникулы из приюта в Обазине. Луиза и Альбер долгие годы оставались дружны. При своем кочевом образе жизни Альбер даже умудрился приехать к сестре на свадьбу. Устроилась Луиза отлично, считали родители – в мужья ей достался железнодорожный служащий со стабильным жалованьем, а что, по их мнению, могло быть лучше?

Как мы уже упомянули, старший сын Анри Адриена пошел по стопам отца. «Отслужив положенный срок в армии, Альбер еще несколько лет жил бок о бок с родителями, осваивая ремесло торговца вразнос. Словоохотливый парень всегда привлекал публику своим красно-

речием, и потому дела у него неизменно шли на лад. И вот в один прекрасный день он решил оставить дом и посвятить себя бродячей жизни. От отца Габриэль унаследовала коммерческую жилку. Конечно, его бизнес не шел ни в какое сравнение с будущей модной империей Шанель, и успех далеко не всегда ему сопутствовал, но Альбер явно превзошел Анри Адриена. Он расширил ассортимент товаров, а также решился на более дальние поездки – так с каждым поколением Шанели все дальше удалялись от земли своих предков.

До поры до времени, не связанный узами брака, Альбер путешествовал из города в город, останавливаясь там, где пожелает его душа, и на столько, на сколько велит разум и коммерческий расчет. В дела его постоянно вмешивалась унаследованная от отца влюбчивость. В городах Альберу не составляло труда соблазнять девушек и исчезать, не чувствуя за собой никакой вины. По рассказам он выглядел весьма привлекательно: высокий, красивый мужчина, да еще и с хорошо подвешенным языком. Габриэль в своих воспоминаниях сильно приукрашивала его внешность, называя отца чуть ли не писанным красавцем, но, судя по всему, он и в самом деле, нравился представительницам женского пола. У него всегда были припасены истории о его поездках, которые он всячески приукрашивал, чтобы придать путешествиям романтики и добавить опасных приключений, столь милых сердцу любой женщины.

Жениться Альберу пришлось в 1884 году. Однако история его отношений с матерью Габриэль началась задолго до этой даты. В конце 1881 года он приехал со своим товаром в Курпьер, решив на зиму остаться в этом городе, славном торговыми традициями и богатым на различные товары. Еще с XVII века, когда король Генрих IV дал Курпьеру грамоты, разрешающие проведение четырех ярмарок в год и одного еженедельного рынка, торговля там шла самая оживленная. Более того, развитие дорог в регионе привело к тому, что Курпьер оказался на пересечении сразу нескольких торговых путей, и это сразу подняло престиж проводимых в нем ярмарок. Курпьер – и старинная столица французской клубники, и производство деревянных сабо, и керамические изделия, и пряжа. Население его составляло в то время около четырех тысяч человек. Короче говоря, этот городок представлял собой настоящий рай для торговца. Поселился Альбер у Марена Деволя, на чьем попечении находилась восемнадцатилетняя сестра Жанна.

История матери великой Мадмуазель исполнена трагизма. Правда, до встречи с будущим мужем она вела спокойную и размеренную жизнь, омраченную лишь ранней смертью родителей. Ее отец Франсуа Деволь работал плотником (это дело унаследовал его сын Марен). Умер он в 1875 году в возрасте пятидесяти лет. Его жена Жильберта (в девичестве Шардон), была портнихой. Замуж она вышла, когда ей исполнилось 23 года. Умерла Жильберта на шесть лет раньше своего мужа, успев родить двоих детей. Таким образом, Жанна потеряла мать, когда ей едва исполнилось шесть лет, а затем и отца. С двенадцати лет девочку воспитывали дядя, занимавшийся выращиванием винограда, и старший брат, забравший Жанну в город, где она училась ремеслу портнихи и помогала ему по хозяйству.

Альбер, недолго думая, приударил за сиротой. Он не учел два важных момента: что вследствие подобных развлечений у девушки иногда наступает беременность, и что, несмотря на раннюю смерть родителей, у Жанны осталось приличное количество родственников, готовых заступиться за ее поруганную честь. Впрочем, сначала Альберу казалось, что удача, как и раньше, на его стороне. Узнав о беременности Жанны, он в первую очередь подумал о самом легком способе избежать проблем, а именно о побеге. Курпьер не был ему родным городом, оседлый образ жизни не привлекал, а угрызения совести не являлись его отличительной чертой. Отцу его бежать из маленькой деревеньки Сен-Жан-де-Валерискль было просто некуда, к тому же Полин Анри в тот момент не отличался большой мобильностью. А вот сын решил, что из более крупного города он сможет спокойно исчезнуть, не привлекая к себе внимания.

На первом этапе план сработал. Летом 1832 года брат Жанны не обнаружил постояльца в его комнате. Марен удивился, но и только. Однако через некоторое время дядя и брат заме-

тили, как изменилась фигура доверенной их попечению родственницы. Жанна плакала, раскаивалась, но исправлять случившееся уже было поздно. И если семейство Шардон со стороны матери отреклось от согрешившей, то Деволи легко сдаваться не собирались. Конечно, их семью сильно возмутило поведение Альбера. Они поклялись, что это ему просто так с рук не сойдет - обидчика найдут во что бы то ни стало. Поисками занялись все родственники; на помощь пришел даже мэр городка Виктор Шамерла, чувствовавший, что задета честь не только семьи, но и всего Курпьера. Отыскать Альбера оказалось непросто: он постоянно переезжал с места на место, нигде не задерживаясь надолго, что полностью соответствовало роду его занятий. Большую помощь в поисках оказал еще один Деволь – помощник нотариуса, который сумел перерыть кучу документов и найти необходимые зацепки в тех, где оставлял свою подпись Альбер. Таким образом, через несколько месяцев Деволи сумели узнать, где живут родители Альбера, которые вели более оседлый образ жизни, чем сын.

Анри Андриен и его жена неприятностей на свою голову не хотели. А «посольство» к ним прибыло внушительное, готовое на любые крутые действия ради Жанны. В те времена главным являлось выдать согрешившую женщину замуж, а там хоть трава не расти. Важно было, чтобы будущий папаша принял на себя обязательства, которые в этом случае возникали, и дело с концом. Шанели выдали им местопребывание сына, и Жанна накануне родов отправилась в путь. Предупредить о грядущей встрече Альбера было некому, а потому в Обене давно им забытая подруга появилась крайне неожиданно. Более того, видимо, из-за волнения и тяжелой дороги роды произошли прямо на следующий после приезда день. Тут уж не скроешься – все вокруг оказались в курсе того, что у весельчака Альбера появилась дочь.

Жюли Берта Шанель родилась в сентябре 1882 года. Старшая сестра Мадмуазель покинет этот мир в молодом возрасте – ей исполнится всего двадцать семь лет. О ее сыне и внучках Габриэль будет заботиться всю жизнь. А пока молодые родители с новорожденной Жюли на руках пустились в путь. Жанна хотела бы остаться в Обене, а еще лучше – вернуться обратно в Курпьер, где оставшаяся родня всегда была бы ей в помощь (пусть чаще моральную, но на чужбине и такого не наблюдалось). Однако Альбер не желал сидеть на месте. Ему не нравился захолустный Обен, где им пошли навстречу и даже без регистрации брака записали ребенка рожденным в законном браке. В намерения Альбера женитьба не входила, а родственники Жанны находились далеко и в подробности ее путешествия не вдавались. На Курпьер выбор Альбера пасть, конечно, не мог – он не спешил оказаться под бдительным оком Деволей. К родителям по той же причине возвращаться тоже не хотелось.

Итак, перст судьбы указал Альберу на Сомюр. Да, тот самый город, от которого потом всю жизнь открещивалась Габриэль Шанель, упорно называя местом своего рождения Оверни. Жанну он брать с собой не хотел, но уже тогда она показала ему свой нестигаемый характер – решила, что обязана следовать за супругом, хотя своих средств у нее не имелось и оплачивать проживание было не на что. Альберу пришлось смириться с решением Жанны, но жалеть и беречь ее он не собирался. Они добрались до Сомюра в начале 1883 года. Тут же выяснилось, что Жанна снова беременна; если бы не ее ранняя смерть, видимо, у Габриэль было бы куда больше братьев и сестер. Как и его отец, Альбер надолго оставлял жену одну, независимо от ее состояния. С одной стороны, ему действительно требовалось кормить семью, а удача, улыбнувшаяся в начале карьеры, начала от него отворачиваться. Торговля шла вяло, и приходилось часто переезжать с ярмарки на ярмарку, дабы продать хоть что-то. С другой стороны, семейные обязанности явно не прельщали Альбера. Быстро увядающая жена, вечно плачущий младенец – нет, такой судьбы он себе не желал. Единственный способ максимально ее избежать заключался в частых побегах из дома.

Габриэль вспоминать мать не любила, постоянно упоминая только отца, согласно ее легенде, успешно торговавшего в Америке. К сожалению, Жанна представляла собой частый для того времени пример женщины из бедной семьи: нехватка денег гнала ее на заработки,

а частые беременности изнашивали здоровье. Уже родившихся младенцев приходилось брать с собой на работу, беременность от этого не освобождала, и Жанна ходила к своим работодателям до самых родов. Задания ей обычно давались тяжелые, к тому же работать приходилось в разных частях города. Старинные французские города отличаются неровным рельефом: то надо идти круто в гору, то спускаться вниз по грязному булыжнику, неся на руках полуголодного младенца. Жанна гладила, стирала, мыла посуду, убиралась в домах, шила и чинила одежду. Когда одна хозяйка отказывалась от ее услуг, ей приходилось пускаться на поиски другой, обходя дом за домом.

Получала Жанна получала за свои труды гроши, да и у Альбера дела шли плохо. В Сомюре они жили в крохотной комнатенке, которую снимали рядом с двумя рынками. Сырость, плохое питание, изнурительная работа привели к тому, что Жанна ослабла и еле передвигала ноги. Образ жизни Альбера изменился не так сильно. Он не считал себя обязанным помогать Жанне, которая, по его мнению, должна была лишь радоваться, что живет с отцом своих детей. В общем-то, она и радовалась, только постоянные невзгоды не давали ей насладиться этим в полной мере.

Глава вторая. Рождение Мадмуазель

Когда родилась Габриэль, отца рядом не было. Ее переживания и умалчивания на протяжении всей жизни сводились именно к этому: Альбер, по сути, предал мать и детей. Пока Жанна не умерла, подобие семьи поддерживалось, чему способствовало время, проводимое с родственниками со стороны Деволей и Шардонов. После смерти матери мир рухнул. Впоследствии, именно это событие стало началом трагедии Габриэль: умерла мать, а после детей бросил отец. Но вернемся в день 19 августа 1883 года.

Жарким летним днем Жанна пришла в родильный покой. Альбер где-то ездил по ярмаркам со своим товаром. Учитывая отсутствие современной связи, неудивительно, что он не знал о рождении второй дочери. Конечно, сроки беременности ему были известны, но не мчаться же во весь опор домой и сидеть в ожидании схваток у изголовья жены! Тем более, что лето – самый сезон для ярмарок, и куда правильнее выжать из этого сезона максимум прибыли. В итоге на свет появилась девочка, которую через пару дней окрестили именем Габриэль. Никаких вторых и третьих имен, что выделяло малышку среди ее многочисленных сестер, братьев, кузенов, тетей, дядей и племянников. Наверное, поэтому несколько лет спустя Габриэль все-таки получит свое второе имя. Именно оно сделает ее знаменитой: Габриэль Шанель по прозвищу Коко. Впрочем, в своих воспоминаниях Габриэль пыталась заполнить и эту лакуну. Она утверждала, что крестная нарекла ее вторым именем Бонер, что означает «счастье». На самом деле ее крестными стали совершенно незнакомые люди, которым дела не было до ее второго имени – нет так нет, это дело родителей. А в мэрии ребенка опять записали рожденным в законном браке.

Вскоре объявился и отец. Альбер по обыкновению подарил малышам игрушки, купленные на одной из ярмарок, и на некоторое время остался дома. Конечно, сидеть на месте ему не хотелось. Он постоянно размышлял о том, куда бы сняться из Сомюра, который успел надоесть Альберу, несмотря на редкое в нем появление. Он не принимал во внимание нежный возраст малюток и плачевное состояние здоровья своей супруги. К весне следующего года семейство уже отправилось по городам и весям. Они нигде надолго не останавливались. По большому счету Альбер сильно не настаивал на переездах Жанны и детей вместе с ним. Напротив, он хотел, чтобы они оставались в Сомюре, пока не найдется место, где он захочет обосноваться. Однако Жанна слишком хорошо знала характер своего неофициального муженька. Она боялась (и, скорее всего, не без оснований), что он опять сбежит, даже не посмотрев напоследок в ее сторону. Альбер упорно на ней не женился, а потому никаких методов призвать его к ответу не существовало. Оставалось скитаться по ярмаркам, перевозя с собой малышей и нехитрый скарб.

Лучик удачи забрезжил в одном из городков, где на ярмарке Альбер столкнулся нос к носу с родственниками Жанны. Они как-то примирились и договорились о взаимовыгодных условиях: Альбер все-таки женится на Жанне и они переедут жить в дом дяди новоиспеченной жены. Так в конце весны пара оказалась там, откуда два года назад уехала. Казалось, все тяготы позади: хороший климат, уютный дом и даже скорая свадьба. Но Альбер легко сдаваться не собирался. Несмотря на объявленную свадьбу, он не двигался в сторону мэрии, как упрямый мул. Его тащили туда всем миром, а все бесполезно. Скандал следовал за скандалом, слезы Жанна пролиwała немалые. Параллельно со скандалами с Альбером велись переговоры. За Жанной посулили огромную по тем временам сумму: пять тысяч франков. Собирали деньги «по сусекам» - родня скидывалась, не скупясь, полная решимости пристроить, наконец, несчастную женщину замуж.

17 ноября 1884 года в мэрии официально зарегистрировали брак между Альбером и Жанной на радость невесте и всем родственникам. Даже родители Альбера прибыли в Курпьер поздравить беспутного сына. У них в начале всех приключений, в 1882 году, родился девятнадцатый ребенок – сестричка Альбера Адриенна. Именно она станет Габриэль лучшей подругой на всю жизнь. На первый взгляд все складывалось как нельзя лучше: Жанна с детьми живет в официальном браке, в хорошем доме, а Альбер имеет после заключения брака кругленькую сумму. Если бы не полное его неумение заключать финансовые сделки, они могли бы жить пусть не припеваючи, но вполне прилично (особенно в сравнении с предыдущими двумя годами). Желание Альбера приумножить капитал, полученный в качестве приданного, привело к полному краху. Он пытался покупать акции, начать собственное дело, но его постоянно обманывали, вложенные деньги не окупали себя, акции оказывались не более чем обычными бумажками. В конце концов буквально через год Альбер снова пустился в путешествие с повозкой, полной товаров для ярмарок. Он переезжал с места на место, не изменяя своей привычке хорошо пить и закусывать, болтать с такими же бродягами, как он, соблазнять женщин. Ничто его не сдерживало, никто за ним не следил, жизнь вернулась в прежнее русло. Одно изменилось – теперь у Альбера была жена. Приходилось возвращаться к ней и делиться планами. Более того, в Курпьере еще и родственнички Жанны постоянно следили за беспутным зятем. Чтобы поменьше с ними общаться, Альбер все-таки нашел для своего семейства новое место жительства. Переехать он решил в Исуар, старинный городок с постоянно проводимыми по выходным ярмарками.

Те немногие деньги, которые зарабатывал Альбер, он тратил в основном на себя. Семье пришлось ютиться в совсем уж скромных условиях: и район для нищих, и смрад помоек, и невыносимый запах, который шел от кожевенных цехов, и сырость от реки, цвет которой из-за кожевенного производства стал ржавым. Уже тогда Жанне не следовало переезжать в такое место – у нее появились и астма, из-за которой в свое время умерла ее мать, и первые признаки туберкулеза. Последнее являлось в то время чуть ли главной причиной смерти бедняков, и мать Габриэль она не миновала. Но до печального финала оставалось еще несколько мучительных лет. Буквально год спустя после свадьбы у Жанны родился сын, ведь несмотря на частые отлучки Альбер всегда выполнял свой супружеский долг, находясь дома. Адриен Альфонс (так нарекли третьего младенца) появился на свет в марте 1885 года, и можно легко себе представить, насколько тяжело приходилось Жанне во время беременности. Жюли исполнилось три годика, Габриэль – два. На протяжении зимы в Исуаре стояла отвратительная погода с постоянными дождями, влажностью и промозглыми ветрами. Перестать работать Жанна не могла, поэтому продолжала шить, стирать и убираться, обсуживая и клиентов побогаче, и – по доброте душевной – бедняков-соседей, которые частенько просили ее починить старую одежду.

Еще через два года, 14 июня 1887 года, несчастная Жанна разродилась четвертым ребенком – Антуанеттой. Здоровье ее было окончательно подорвано. Она не только упорно трудилась, дабы внести посильный вклад в бюджет семьи (важно отметить, что у Жанны и детей во время отсутствия Альбера не оставалось никаких средств к существованию), но и часто ездила вместе с мужем по ярмаркам, пытаясь таким образом следить за ним. Жанна становилась все более ревнивой. Видимо, состояние ее здоровья сказалось и на психике: она параноидально следовала за Альбером, несмотря на погоду, наличие очередной беременности или крошечного младенца. Причин не доверять Альберу у жены хватало, но здравый смысл ей тоже стал отказывать.

Врачи подтверждают: приступы, которыми сопровождаются астма и туберкулез, часто ведут к целому комплексу психологических проблем. Они включают в себя страх перед неконтролируемой болезнью, чувство вины, неполноценности, депрессию. Альбер, конечно, замечал состояние жены. В 1887 году после рождения четвертого ребенка он даже принял решение отправить семью обратно в Курпьер. Казалось бы, такое решение должно было устроить

всех, включая Жанну. Альбер сам сбагривал ее и детей под опеку родни, а климат родных мест явно подходил ей больше, чем сырость Иссуара. К тому же финансовое положение семьи пусть незначительно, но улучшалось из-за отсутствия необходимости платить за жилье (планировалось, что семья будет продолжать жить в сельском доме дяди Жанны). И детям на свежем воздухе, в просторном доме, само собой, было раздолье. Никто не ожидал от Жанны, которая безумно ревновала мужа и боялась его потерять, маниакального желания следовать за Альбером в его поездках. Ее не останавливали ни холод, от которого некуда было спрятаться в повозке зимой и куда забирался снег и ветер, ни работа за прилавком на рынке, где ей приходилось помогать мужу, проводя целый день на ногах, не имея ни минуты на нормальный отдых.

Впрочем, возвращение в Курпьер хорошо сказалось на детях. Позже Коко Шанель всегда с теплотой вспоминала то недолгое время, которое она провела у деда. Наконец-то она могла играть, пусть и в самые примитивные игры, не задыхаться в тесной лачужке, не бояться, оставшись одна с маленькими сестрами и братом, в ожидании матери. Впоследствии Мадмуазель иногда говорила близким, что в Курпьере она любила бегать на кладбище: «Ей нравилось удивлять собеседников своими историями, но на сей раз в этом была доля правды. Однажды, она призналась, почему любила кладбища, по крайней мере в детстве, - став взрослой, она их ненавидела и категорически отказывалась посещать. Однако семейного склепа не существовало, родственников хоронили там, где они оказывались в момент смерти, так что Коко вовсе не посещала ребенком родные могилы, она играла на кладбищах, потому что была там одна, ей было спокойно вдали от семейных драм, и она могла дать волю воображению. У нее имелись любимые могилы, которые она украшала цветами, закапывала в ноги подарки своего отца, словно чтобы почтить неизвестных усопших. Она говорила, что эти-то мертвые любят ее»^{2*}. С закопанными сувенирами Альбера, правда, вышла неприятная история. Жюли, любившая подглядывать за Габриэль, увидела, как та прячет отцовские подарки, и наябедничала матери. Скандал вышел нешуточный. Жанна не поняла сути своеобразного жертвоприношения дочери; для нее такое отношение к простеньким, но малодоступным для их кошелька вещичкам было чуть не святотатством.

Таким образом, для Жанны и Альбера изменилось только одно: их дети находились в лучших условиях, под присмотром родни. Альбер привычно покупал на ярмарках игрушки детям, и когда он навещал их, они с радостью выбегали ему навстречу. Отец вынимал дешевые подарки из повозки, одаривая безделушками соскучившихся по нему ребятишек. Конечно, дело было не только в подарках. В отличие от хмурой, уставшей, больной Жанны, отец оставался жизнерадостным прощелыгой, умевшим травить занимательные байки о своих путешествиях, развлекая собеседников. За этим не стояло ни заботы, ни желания остаться с семьей подольше, но маленькие дети видели лишь то, что лежало на поверхности и не вдавались в тонкости отцовского характера.

Чем еще занималась маленькая Габриэль в Курпьере? Как обычный ребенок, она бегала по окрестностям, любила ловить рыбу вместе с другими детьми при помощи самодельных удочек, зимой играть в снегу, который в тех местах был нормальным явлением. Вместо слякоти и дождя дети могли зимой наслаждаться настоящим Рождеством, а летом прекрасной природой. Конечно, ребята помогали дядюшке Огюстену по хозяйству: возили тачки, поливали, пололи. Дружно ходили в школу, где к девочкам относились по-доброму и с симпатией.

В апреле 1889 года в семье появился очередной, пятый младенец, нареченный Люсьеном Альбером. Родился мальчик в совершенно ужасных условиях: по дороге на очередную ярмарку на постоялом дворе. Полубезумная Жанна, едва родив, тут же снова снялась с места – ведь муж уехал вперед, чтобы успеть распродать товар. Потом малютку, как и всех других детей, оставили у дядюшки в Курпьере. История умалчивает, насколько охотно дядя Жанны ухаживал за

^{2*} Фимейер И. Шанель. Частная жизнь. М., 2014

ее детьми. Известно, что изначально он и его жена приютили семейство, так как незадолго до их переезда обратно в Курпьер у четы умерла единственная дочь. Вряд ли они предполагали, что Жанна будет постоянно отлучаться из дома, оставляя детей на их попечение.

Болезни все чаще преследовали Жанну, заставляя возвращаться домой. Однако, как только ей становилось лучше, она тут же присоединялась к мужу. Поэтому часто приступы астмы заставляли бедную женщину в дороге, на каком-нибудь постоялом дворе, где особой помощи ждать неоткуда. Все лечение, которое ей предложил врач из Курпьера, заключалось в сжигании эвкалиптового порошка для проведения своеобразной ингаляции. Поэтому ночами, когда приступы учащались, до самого утра Жанна пыталась таким способом получить облегчение. В XVIII веке астму лечили куда более жестокими способами – например, при помощи кровопускания и пиявок, что часто имело прямо противоположный эффект. Но дело не в том, что Жанне предлагали плохое или неправильное лечение, а в том, что при ее образе жизни оно не имело никакого эффекта.

В конце мая 1891 года Жанна родила шестого ребенка. Мальчик прожил недолго: уже в ноябре Огюстена Жюльена не стало. А Жанне становилось все хуже. Ей приходилось дольше задерживаться в Курпьере, так как сил ехать с мужем порой не было совсем. У детей оставалось всего два года счастливой жизни, а самой Жанне – мучиться четыре года. Пара лет после смерти Огюстена не была наполнена значимыми событиями. Оно и к лучшему, потому что после она превратилась в сплошную череду мрачных эпизодов. Точку в спокойном существовании под боком у дяди поставил все тот же Альбер. В 1883 году он совершил несвойственный ему поступок: вдруг прислал жене письмо. Она находилась дома из-за плохого самочувствия, которое теперь часто не позволяло пускаться в путь. И тут такое счастье – Альбер не просто пишет письмо, он зовет Жанну присоединиться к нему! Высказанная в письме причина смутила только родственников, которые давно смотрели на Альбера трезвым взглядом. Родственников, но не Жанну: она приняла написанное за чистую монету и слушать предостережения родни не стала.

Альбер писал, что в городе Брив-ла-Гайяр случайно встретил своего младшего брата Ипполита. Они сблизились и решили вместе управлять небольшим отелем. Альбер звал жену к себе. «Вот она – стабильная жизнь с мужем и детьми», – подумала Жанна и засобиравшись в дорогу. Перспективы ей рисовались радужные, потому что новая работа Альбера давала надежду страдавшей женщине. Ей казалось, что муж успокоился и нашел свое призвание, а, значит, их отношения тоже изменятся в лучшую сторону. Единственной каплей здравого смысла стало только одно: она взяла с собой двух старших дочерей, на время оставив остальных детей дома. Путь предстоял неблизкий, может это и объясняет тот факт, что болезненная, но легкая на подъем (когда это касалось вопроса следования за мужем) Жанна не взяла с собой всех отпрысков. До того момента семья в основном переезжала на небольшие расстояния, а вот Брив-ла-Гайяр находился от Курпьера на расстоянии двухсот сорока километров. Это легко преодолимо в наши дни, но в конце XIX века больной женщине с детьми и вещами было не так-то просто добраться до пункта назначения. Жанна, исполненная энтузиазма, на тяготы переезда старалась не обращать внимания. Она считала, что эта небольшая жертва вполне оправдана...

Город Брив-ла-Гайяр и правда мог представлять собой весьма привлекательный вариант по сравнению с предыдущими. В 1890-х годах там проживало порядка 17 тысяч человек, причем с каждым годом население увеличивалось (в наши дни население составляет около 50 тысяч человек). Альбера изначально в городе могло привлечь многое: он всегда славился развитой торговлей, ярмарками, производством самых разных товаров. Резкий скачок в его развитии произошел в 1860 году, когда в Брив-ла-Гайяр пришла железная дорога, быстро сделав его крупным железнодорожным узлом. Таким образом, причин для посещения Брива у Альбера было достаточно. Но его опять постиг финансовый крах: пытаясь вместе с новообре-

тенным сводным братом заработать денег, он оказался в долгах, которые пришлось выплачивать, нанявшись в качестве прислуги в сомнительное заведение: полуотель, полукабак, который посещали местные пьяницы и другие любители буйных развлечений. Вот куда попала Жанна и две ее дочери – рай оказался немножко не таким, каким его представляли путешественницы.

Воспоминания Коко Шанель и здесь идут вразрез с действительным положением дел. Она твердила о какой-то необычайной чистоте, которую старались поддерживать в доме ее родители: они постоянно заставляли детей мыться и помещение держали в стерильной чистоте. На самом деле, достичь такого положения вещей было крайне сложно. Бедные городские районы имели дурную славу. В отличие от крестьянских домов, в городах квартирки и каморки вмещали в себя большое количество людей, санитарные условия были ужасными, ни нормальной канализации, ни воды в достаточном количестве не наблюдалось. Мадмуазель, как обычно, выдавала желаемое за действительное. Пройдоха-отец в ее рассказах превращался в успешного торговца вином или лошадьми или владельца огромного виноградника. Более того, он становился мужчиной утонченным, к ногам которого падали женщины высшего света, а также образованным – он якобы свободно владел английским языком. Убогая повозка, в которой отец вез ее с сестрами в Обазин, превращалась в кабриолет с роскошной упряжкой. Так же и лачуги, в которых ютилась ее семья, становилась эталоном чистоты и даже изящества...

Габриэль исполнилось десять. Ей пришлось быстро смириться с новой жизнью в сравнительно большом городе. Новый дом, представлявший собой убогую комнатку, расстроил сестер, но они не ведали, что самое страшное еще впереди. Письмо отца быстро нашло объяснение. Он был вынужден отрабатывать долги, и лишние руки ему вовсе не помешали бы. Поэтому Альбер и вызвал к себе жену, будучи на сто процентов уверен, что она приедет по первому его зову. Так и случилось. Жанна вновь принялась за грязную, тяжелую работу, выматывавшую ее сильнее чем когда-либо. Приступы астмы участились, к ним прибавились бронхит и туберкулез, прогрессирующий с каждым днем. Летом, как это уже бывало раньше, Жанна почувствовала себя лучше. Вместо того, чтобы набраться сил дома, она поехала по ярмаркам вместе с мужем, который к тому моменту вернулся к своему прежнему занятию. Жанну шатало от усталости, она падала в обморок, но лечиться отказывалась, сколько ей это ни советовали знакомые. Осенью, с наступлением первых холодов ее состояние продолжало неуклонно ухудшаться.

Биографы по-разному описывают заболевание матери Коко Шанель. Сама Мадмуазель всегда говорила о платках в крови, диком кашле и ужасе, в который приводили эти картины детей. Последние месяцы ее жизни описываются следующим образом: «Жанна, мать Коко, женщина слабого здоровья, истощенная непрерывными беременностями, тяжелой работой, бесконечным шитьем и починкой одежды, а в особенности необходимостью следовать повсюду за слишком красивым и ветреным супругом, медленно умирала от туберкулеза, лежа в поту в постели и харкая кровью, и за всем этим наблюдали ее перепуганные дети». Но есть и другая версия: Габриэль посчитала астму и бронхит недостаточно аристократичными, простецкими – и заменила их на более, на ее взгляд, приемлемый туберкулез. Правду узнать сейчас практически невозможно. Да и важна ли она? В то время, когда были распространены все виды болезней легких, Жанну могло свести в могилу что угодно и все вместе разом. Учитывая большое количество специализированных клиник для туберкулезных больных, открытых в конце XIX – начале XX века именно в том регионе, где располагался Курпьер, справедливо предположить, что Жанна страдала именно этим недугом. Ведь дома ей становилось значительно легче, а клиники открывались именно исходя из полезных природных и климатических условий местности. С другой стороны, при том образе жизни, который вела Жанна все годы, что она провела с мужем, удивляться ее ранней смерти не приходится. Не имея возможности нормально питаться, дышать свежим воздухом, не работать и не рожать раз в два года детишек, в любую погоду мотаясь по ярмаркам, удивительно, что она вообще дожила до тридцати двух лет.

Последние дни несчастной Жанны прошли вдали от родного дома и практически в полном одиночестве. С ней рядом находились лишь две старшие дочери, волею судьбы оказавшиеся единственными свидетелями страшной кончины матери. 16 февраля 1895 года, не дожив до тридцатитрехлетия трех месяцев, Жанна умерла, что и прекратило ее страдания. Альбер находился в очередной поездке, и его жена отошла в мир иной в крайнем истощении, не получив от мужа ни помощи, ни слов утешения. Похороны организовал брат Альбера Ипполит. Возле скромной могилы он стоял вместе с девочками и теми родственниками Жанны, которые нашли возможность прибыть в Брив-ла-Гайяр из Курпьера. После похорон перед родней встал важный вопрос: куда девать детей Жанны и Альбера?

На первый взгляд, родственников у сироток насчитывалось немалое количество, как со стороны Шанелей, так и со стороны семейств Деволь и Шардон. Однако брать пятерых детей к себе на воспитание никто не спешил. Родители Альбера отказались сразу: куда им еще пять, когда своих девятнадцать? Эта семья вообще представляла собой некий феномен. Дети вынашивались, рождались и не умирали. Мать отличалась крепким здоровьем, никогда не понимая проблем хлипкой Жанны. Последний ребенок у них родился, когда Анжелине исполнилось 57 лет, то есть беременности наступали практически каждый год, а умерла женщина в возрасте семидесяти трех лет. Полин Анри Адриен умер в 80 лет, пережив супругу всего на год. Конечно, старшие дети уезжали из отчего дома, но заполнять эту пустоту пара, видимо, не собиралась, справедливо считая, что у малюток есть родной отец, который и должен ими заниматься.

Со стороны семьи Шардон очевидным претендентом на опеку было дядя Жанны, у которого дети жили в течение нескольких лет, вплоть до смерти матери. Ребятишки его любили, хорошо знали, и дядюшкин дом им был не чужим. Но здесь стоит сделать пару важных замечаний. Первое касается самого начала истории, связанной с переездом к дяде Огюстену. На тот момент, когда Альбера заставили жениться на Жанне официально, у них было двое детишек – не такая уж страшная картина, и дядя пригласил их пожить к себе. Думается, он не предполагал, что «пожить» растянется на несколько лет. Логично было предположить, что Альбер все-таки остепенится и обеспечит семью хотя бы собственной жилплощадью. Но дела у Альбера шли все хуже, Жанна часто уезжала вместе с ним, а дети оставались на попечении Огюстена. Более того, семья продолжала разрастаться: к первым двум девочкам прибавилось еще трое малышей. В 1895 году Жюли исполнилось тринадцать, Габриэль – двенадцать, Альфонсу – десять, Антуанетте – восемь, Люсьену – шесть лет. До совершеннолетия было еще далеко. Девочек следовало обеспечить приданым и выдать замуж, а мальчиков пристроить на работу. И здесь возникает второй момент: в 1895 году сам дядюшка Огюстен уже не отличался бодростью духа и крепким здоровьем. Точная дата его рождения неизвестна, но его младшая сестра (мать Жанны) родилась в 1833 году. Несложно подсчитать, что Огюстену было за шестьдесят, и вваливать на себя воспитание пятерых детей он был явно не готов.

Вернемся к Альберу. Родня с обеих сторон имела веские причины не оформлять опеку над его отпрысками. Что же он сам? Неужели у него так и не проснулось чувство ответственности, чувство вины, в конце концов, из-за ранней смерти жены, которая посвятила ему всю свою молодость? Понятно, что с детьми он не мог бы продолжать прежнюю разгульную жизнь. Но вдовцы, оказавшись в подобной ситуации, обычно просто-напросто вторично женились: мачеха принимала на себя основные обязанности по ведению хозяйства и воспитанию детей. Тем не менее, в 37 лет Альбер новой женой обзаводиться не собирался. Зачем? Он же обрел, наконец, долгожданную свободу. Он боролся за нее до последнего, жениться его заставили – не надевать же это ярмо по собственной воле заново! Отягощающим обстоятельством являлись дети, но эта проблема представлялась ему куда более простой, чем постоянное преследование Жанны.

В то время с мальчиками поступали просто: их отдавали в семьи работниками. С малолетства они становились бесплатной рабочей силой для своих опекунов, которые, по сути, являлись их хозяевами. Ужасающее положение детей из бедных семей было характерно для всей Европы. Жестокости творились повсюду. Бедняки часто не имели средств на воспитание детей, а потому или убивали их самыми разными способами, или пристраивали сызмальства на работу, пусть и самую тяжкую. Ярким примером служит Великобритания, где до конца XIX века обычной практикой было отправить детей в колонии, где их ждал воистину каторжный, рабский труд. Во Франции с начала века существовал гражданский кодекс, согласно которому и проводилась процедура передачи сирот под попечительство опекунов. Важно отметить, что в случае смерти отца мать имела полное право отказаться от роли опекуна. Но дети Альбера Шанеля столкнулись с редкой ситуацией, когда от опекунов отказывался родной отец.

Сначала Альфонс и Люсьена признали «покинутыми детьми», а потом передали в сельскую местность, в семьи землевладельцев, которым по этому случаю начислялось ежемесячное пособие. На практике пасынки представляли собой бесплатную рабочую силу. Их эксплуатировали как могли, заставляя работать целыми днями. Кормили их так плохо, что они постоянно чувствовали себя голодными, а спали чаще всего в сарае вместе со скотиной, прямо на покрытом соломой полу. Продолжалось это до тринадцати лет, когда их следовало отправить учиться какому-нибудь ремеслу. Однако Альфонс и Люсьен ремеслу обучаться не захотели. Не исключено, что из сельскохозяйственного рабства их вызволили дед с бабкой. От своих опекунов они вернулись неграмотными, понимавшими только грубую речь крестьян. Никакие попытки властей как-то заставить опекунов отдавать детей в школы не имели успеха: власть далеко, отговориться всегда можно. Зимой плохая погода, дождь и снег – куда же отправлять в такую погоду ребенка, школа ведь неблизко. А в хорошую погоду сироты уже целыми днями пропадали в горах, на пастбищах.

В итоге братья повторили судьбу своего сгинувшего без вести отца. «С этого времени Альфонс и Люсьен ведут жизнь, мало отличавшуюся от той поры, когда они жили с матерью. Несмотря на развал семьи, на горести, на дремучее невежество, несмотря на отступничество отца, на честолюбие и нетерпеливое желание побыстрее добиться своего, унаследованное от Альбера, им предстояло, как и всем Шанелям, познать тяжелую жизнь бродячих торговцев... От его (Альфонса – В. Б.) детей мы знаем, что он охотно заявлял: “В тринадцать лет я попал на улицу и все время колесил по дорогам”. Бродяжничество было его судьбой. То же самое было и у Люсьена»^{3*}.

Девочек отец пристроил в сиротский приют в Обазине, уготовив им судьбу более счастливую чем братьям. Хотя сам по себе поступок выглядел не лучше: Альбер просто высадил их у ворот монастыря и поехал дальше торговать по ярмаркам. Позже выяснится, что некоторых своих родственников он навещал, даже сыновья с ним изредка общались – но не Габриэль. Из ее жизни он был вычеркнут навсегда и существовал только в вымышленных рассказах. Тут возникает новая легенда, рассказываемая Мадмуазель нанятым ею биографам: она меняет год своего рождения и становится моложе на десять лет. Таким образом, ее мать умирает не тогда, когда Габриэль должно исполниться двенадцать, а когда ей всего два годика, поэтому она Жанну совсем не помнит. После чего ее не везут сразу в Обазин, она воспитывается у теток: мать умерла, а отец успешно ведет дела в Штатах. Тетки строги, но их шкафы забиты дорогим бельем. У теток, без сомнения, все сверкало чистотой, столь часто упоминаемой Коко Шанель. Объяснение этому моменту найдется позже: именно в монастыре в Обазине от послушниц будут требовать неукоснительного соблюдения гигиены и поддержания помещений в чистоте. Именно оттуда она запомнила белые воротнички и платья, напоминавшие о строгой форме послушниц.

^{3*} Гидель А. Коко Шанель. М., 2006

Когда Габриэль исполнится восемнадцать лет, она навсегда покинет приют при монастыре, где, сказать по правде, ее обучили многому, включая умение шить, сделавшее ей имя. Ну а Альбер Шанель наконец-то снова почувствовал себя свободным от семейных уз человеком, без каких-либо обязательств.

Глава третья. Обазин

Обазин расположен всего в четырнадцати километрах от Брив-ла-Гайяра. К 1895 году в городке насчитывалось около тысячи жителей, что остается неизменным по сей день. Обазин обязан своим существованием мужскому монастырю, основанному священником Этьеном де Вьельзотом в XII веке. «Это был отшельник и первопроходец, божий безумец, хрупкий, уродливый, лысый, в тридцать лет морщинистый, словно старый бонза. Физически удаленный от всех, но духовно объединенный со всеми», - говорили про Этьена. Очень быстро к мужскому монастырю присоединился женский, оба принадлежали ордену цистерцианцев. К сожалению, во Франции многое было разрушено во время революции, в частности, пострадали женские постройки монастыря. После революционных событий монастыри прекратили свое существование, но в 1860 году в оставшемся от монастыря здании сестрами конгрегации Сен-Кёр де Мари был открыт сиротский приют для девочек. На момент проживания там сестер Шанель девочек-сирот насчитывалось примерно 35 человек.

Те, кто хотел докопаться до правды о жизни Мадмуазель в Обазине, в первую очередь пытались увидеть в ее творчестве признаки влияния старинного монастыря. Художник Мартина Люфон, посетившая Обазин в 2014 году, пишет: «Коко Шанель жила в строгом пространстве своей архитектуры. Есть вещи, которые отпечатались в ней, более или менее сознательно. Мы находим их в линиях ее одежды... в выборе графической линии, которую она хотела для своего дома... в ее логотипе, который угадывается в витражах аббатства... в строгости флакона для ее ароматов... в выборе № 5, замеченного в коридоре, ведущем из общежития в церковь... в дизайне ее украшений. Обазин никогда не упоминается, но постоянно виден в символах». Ну и, конечно, упоминается лестница монастыря, которая точно воспроизведена в доме Мадмуазель.

Почему и в Обазине тайна? Почему нет ясности даже на этой странице биографии? Оказывается, никаких подтверждающих пребывание сестер Шанель документов в монастыре не сохранилось. Как говорится, «ври не хочу». Доказательством служили лишь воспоминания родственников, но раз нет официальных бумаг, зарегистрировавших пребывание Жюли, Габриэль и Антуанетты в приюте, то и сам факт можно отрицать, сколько угодно. «Тот факт, что записи, относящиеся к периоду возможного пребывания их в монастыре, были утеряны или уничтожены, скорее подтверждает гипотезу, нежели опровергает ее. Розыски и исчезновение бумаг, давление, оказываемое высокопоставленными лицами, с тем, чтобы был изъят или уничтожен тот или иной документ, хранившийся в досье Шанель, были делом обычным. Это не первый сюрприз с нею связанный. Но нельзя вновь не удивиться тому, с каким упорством пыталась она сделать невозможное – стереть все следы того, что ей пришлось пережить», - продолжает свой рассказ Мартина Люфон. Шаг за шагом узнавая о жизни Мадмуазель, легко понять, почему она уничтожала любые документы, раскрывавшие миру детали ее прошлого. Пока понятно только одно: монастырский приют постоянно и неумолимо напоминал ей о предательстве отца и родственников. В 12 лет сложно понять, почему от тебя все отвернулись.

- Мне это знакомо с раннего детства, - говорила Шанель. – У меня всё отняли, и я мертва... Впервые я испытала такое в двенадцать лет. В течение жизни человек может умирать много раз...

Так Обазин стал символом первой «смерти», первого крупного предательства, но и первого шага к успеху. Недаром Мартина Люфон искала в монастыре черты стиля Шанель – Мадмуазель и в самом деле часто воспроизводила тот опыт в своей работе.

Но вернемся назад, в тот февральский день, когда Альбер высадил Габриэль из повозки возле приюта. На первый взгляд Обазин не должен был произвести на девочек какого-то ужас-

ного впечатления: солидное старинное здание, красивые пейзажи, чистота, простор. Всё это не шло ни в какое сравнение с тем условиями, в которых они жили до сих пор. Внешне Обазин представлял собой великолепное зрелище: квадратные газоны монастырского сада, обрамленные живой самшитовой изгородью, с журчащим фонтаном в центре, исполненные суровой красоты древние монастырские здания с головокругительными скатами черепичных крыш. Внутри, правда, монастырь, как все его собраты, выглядел строго, даже аскетично: ни одного украшения на стенах, ни одной скульптуры в саду. Единственной составляющей красоты были объемы, единственным богатством — голый камень, вся прелесть постройки, как и во многих старинных зданиях, заключалась в пропорциях. Данный факт тоже нашел отражение в линиях одежды Коко Шанель (либо это отражение нашли желающие отыскать связь между знаменитой кутюрье и Обaziном).

Тем не менее, монастырь не пришелся Габриэль по душе, и она старалась потом не вспоминать о нем. Он был связан с предательством отца и родных, с отсутствием родного дома — пусть убогого, но своего; с постоянным присутствием посторонних детей и монашек, которые заставляли неукоснительно следовать ими прописанными правилами поведения. Свобода, которую Габриэль и ее сестры знали с младых ногтей, где бы они ни жили, вдруг исчезла. Не осталось места ни смеху, ни баловству, ни развлечениям, какими бы бесхитростными они не были. С самой первой ночи девочка почувствовала, насколько изменилась ее жизнь: теперь ложиться спать она обязана вместе со всеми воспитанницами (в девять вечера надзирательница выключала свет и требовала абсолютной тишины), вставать также по расписанию, вместе молиться и петь в церковном хоре, учиться вести домашнее хозяйство и шить. Каждое нарушение наказывалось весьма строго. Ночью надзирательница, казалось, не спала совсем. Едва кто-то пытался шелохнуться, а тем более заговорить, как она бесшумно открывала окно в свою комнату, которое выходило в галерею с кроватями воспитанниц, чтобы застать их врасплох.

Так как монастырь находился в горах, девочек часто выводили за его пределы в своеобразный поход по окрестностям. Пейзаж не отличался разнообразием: сплошной зеленый лес и холмы, покрытые густой травой, как ковром. Монахини часто рассказывали о том, что располагалось в округе, например, о колокольне с неправильными сторонами или про пол в одном из коридоров, на котором были начертаны необъяснимые знаки, таинственная мозаика, каждый из составлявших ее рисунков, запечатленных в камне, был образован повторением одной и той же цифры. Позже и этому найдут применение: а как же, ведь духи Шанель — это именно цифры и в первую очередь повторяющийся из флакона к флакону знак. За свою жизнь Шанель выпустила три вида духов, которым в качестве названия был просто присвоен номер. Первые — номер пять, потому что Габриэль выбрала именно пятый аромат из предложенных на ее суд, вторые — номер двадцать два, по году создания, и, наконец, номер девятнадцать — в честь даты ее рождения. Есть ли здесь связь с цифрами Обазина? На самом ли деле Габриэль видела в них такую магию, волшебство, которые нельзя было не использовать в будущем? Узнать это невозможно, потому что Мадмуазель, как уже говорилось, предпочитала молчать о монастыре и тех годах, которые она провела за его стенами.

Кроме цифр, существовала и магия одежды. До двенадцати лет Габриэль и ее сестры одевались просто, а порой совсем бедно, в штопанное-перештопанное матерью. Но в Обазине форма выглядела совершенно одинаковой у всех. Впрочем, и здесь нашлось место неравенству: девочкам из обеспеченных семей шили форму на заказ, и она существенно отличалась от формы бедняков качеством ткани и отделки. Дело в том, что в монастырский пансион принимали не только сирот. Считалось, что в монастырях девочкам воспитание и образование давали прекрасное, поэтому родители охотно платили за их пребывание там. В частности, в том же пансионе учились Адриенна, самая младшая дочка деда Габриэль, и ее двоюродная сестра, дочка тети Луизы. Но, невзирая на разницу в качестве формы, одинаковость угнетала. Рубашки были белыми, но совершенно застиранными, так как в монастыре царил культ чистоты. Юбки

воспитанниц были черного цвета, в глубокую складку, чтобы можно было ходить широким шагом. Они долго не занавивались и, казалось, носились бесконечно долго. Покрывала монахинь и их платья с широкими проймами тоже были черными. Рукава с большими отворотами обычно закатывали до локтя, чтобы спрятать туда носовой платок. А вот ленты, стягивавшие голову, и широкие апостольники в форме воротничков были кипенно-белыми. Белыми были и длинные коридоры, и стены, выкрашенные известью, в отличие от черных, высоких дверей дортуаров.

Здесь сразу возникают ассоциации: маленькое черное платье, лишенное декоративности, белые воротнички, просторные юбки, сочетание простых цветов, отсутствие вычурности и удобство в первую очередь. Шанель всегда повторяла: удобство превыше всего, одежда не должна стеснять движений, не должна мешать. Но, в отличие от Обазина, она должна привлекать к себе взгляд, выглядеть уникальной, единственной в своем роде. Легенды о чистоте родительского дома оттуда же – не упоминать монастырь, но как-то объяснять, почему она такая чистюля, аккуратистка, привычная к труду, самолично до преклонных лет наматывающая на моделях свои новые творения.

Легенда об отце складывалась тоже в Обазине. Если ты сирота, то это понятно. Если тебя бросили вполне себе живые родственники, то приходится за них оправдываться. Тут и возникает отец, торгующий вином в Штатах. Многие считают это проявлением дочерней любви, но любовь ли подпитывала воображение подростка? Скорее уж нежелание выглядеть смешной, брошенной, никому не нужной. Габриэль редко упоминала мать только оттого, что та действительно умерла, будучи преданной человеку, не заслужившему и толики ее любви. Жанна была предана ему, но предана им. Похожие слова, но такие разные по смыслу. Зачем рассказывать о матери, в истории которой нет ничего унижающего Габриэль? А вот о вполне здоровом и бодром отце пришлось плести истории. Ухудшило положение два важных момента: с одной стороны, отец возродил надежду на свой приезд, а с другой, надежда окончательно рухнула, когда Габриэль узнала, что он навещает сестру, при этом позабыв об обещании видиться с дочерьми.

В один прекрасный день, вскоре после прибытия трех сестер Шанель в монастырь, Габриэль получила посылку с прекрасным платьем для конфирмации и дорогими четками. Габриэль была твердо уверена, что посылка пришла от отца. Для Альбера и правда были характерны редкие широкие жесты. Он привозил детям подарки из своих странствий, поэтому мог решиться на покупку платья дочери. Вот только почему только ей? Отец никогда не выделял Габриэль, подарки привозил для всех. К тому же, ничто не указывает на то, что платье ей отправил именно он. Это мог сделать любой из родственников, включая тетку Луизу, которая впоследствии стала брать девочек к себе домой на летние каникулы. Не очередная ли это фантазия Габриэль, которая хотела сделать вид, что отец помнит о них, заботится и в один прекрасный момент даже заберет их из приюта? Истории наслаиваются одна на другую, но за ними стоит образ девочки одинокой, лишенной большинства детских забав и семейного общения.

Одно можно сказать вполне определенно: шить Габриэль научилась именно в Обазине. Монахини тщательно следили за качеством работы, которую делали воспитанницы. Они постоянно заставляли девочек переделывать начатое, чтобы достичь совершенства. С непривычки уставали глаза, пальцы были исколоты непослушной иглой, но результат стоил усилий. Жанна Шанель тоже умела шить, чем часто зарабатывала на жизнь. Это умение она унаследовала в свою очередь от матери. В XIX веке в Европе выбор женских профессий был не так уж велик: швея, продавщица, прачка, работница на фабрике или в шахте. Умение шить на заказ, чинить одежду было для девушки умением полезным и не вызывавшем кривотолков. Куда лучше, чем идти на панель, поэтому работать швеей считалось наименьшим из всех зол. Шитьем занимались даже представительницы аристократических кругов. Они, правда, не починяли старую одежду, а чаще вышивали для собственного удовольствия. Потом творение

рук своих можно было подарить, с гордостью продемонстрировав сей талант. Для женщин, которым приходилось зарабатывать шитьем на жизнь, это умение становилось заработком, впрочем, весьма мизерным – оплачивали их труд скудно. Именно поэтому матери Габриэль и приходилось, кроме шитья, выполнять много другой тяжелой работы. Мясо в лучшем случае раз в полгода и кусочек сыра с чашкой кофе раз в день составляло обычный рацион бедной швеи во Франции. Если нынче французский рокфор – деликатес, то в XIX веке сыр, покрытый плесенью, вовсе не являлся признаком состоятельности. В любом случае, умение шить считалось важным, потому что хоть как-то могло обеспечить девочку в будущем. Другим навыкам в монастыре тоже учили, там даже имелась школа, но в ней основное время уделялось закону божьему.

Отношения с монахинями у Габриэль складывались непростые. Она не привыкла к дисциплине и не желала подчиняться. Две другие сестры потихоньку привыкли к жизни в приюте, а, может, просто покорились судьбе, но отношения Габриэль с наставницами были натянутыми, ведь свой бунтарский дух она издавна проявляла еще в родной семье. Не раз за дерзкое поведение ее оставляли по воскресеньям без сладкого или усаживали переписывать страница за страницей пассажи, посвященные покорности, терпению, кротости и повиновению – как раз тем добродетелям, которыми она не могла похвастаться. Конечно, ей приходилось подчиняться, но в душе росли возмущение и злость, которые с трудом удавалось погасить. Габриэль часто думала о побеге из приюта, но бежать было некуда. Впоследствии, чуть ей удастся глотнуть свободы, чуть ослабится контроль, как она тут же воспользуется представившимся шансом. Пока же приходилось терпеть и ждать, рассказывая байки про отца, который скоро за ней вернется.

Так прошли первые три года жизни из неполных семи, проведенных в монастыре. Однажды, на каникулы сестер решила взять к себе тетя Луиза. Это ее в свое время удачно выдали замуж за железнодорожного служащего со стабильным жалованьем. Жизнь Луизы сложилась вполне в том стиле, который ей предназначался: покладистый муж, небольшой дом в местечке Варен-сюр-Алье (население в конце XIX века и поныне – около трех тысяч человек), где ее супруг служил на железнодорожной станции, отсутствие особых развлечений, но и необходимости работать. Городок представлял собой обычное французское захолустье без особых прикрас. «Поселок, окруженный пыльной дорогой, с церковью и домом священника, над дверью которого прилажен здоровенный каменный крест, имеющий откровенно кладбищенский вид. Напротив церкви, в самом центре поселка, на виду, высится весьма претенциозная ратуша, построенная около 1830 года и снабженная своего рода дозорной башней, часы которой отбивают время в пустоте полей... Две другие важные точки — вокзал и постоялый двор. Один торговал здесь, казалось, с единственной целью придать пущей важности дяде Полю Костье, другой — служил для того, чтобы во время больших маневров офицерам муленского гарнизона было куда пойти выпить и потанцевать... В сущности, Варен был всего-навсего железнодорожным пунктом, торговой станцией, улицей, проложенной среди полей. Вокруг простирались волнистые луга и благопристойные холмы, ничто не нарушало гармонию ровной и отчаянно скучной местности»^{4*}.

Доход тетиной семьи был не слишком высоким, однако ребенок у них с мужем был всего один, дочь Марта, что позволяло сильно сократить расходы. Дочка Луизы училась вместе с двоюродными сестрами, но за плату, а значит, проживала там в несколько иных условиях. Послаблений в плане дисциплины и учебы платным воспитанницам не делалось, но важным было само ощущение того, что у тебя есть семья, тебя не бросили, на все каникулы ты возвращаешься домой к родителям. Первые годы долгие летние каникулы представляли для Габриэль и ее сестер большую проблему. Им приходилось оставаться в монастыре, в то время как дру-

⁴ * Шарль-Рю Э. Непостижимая Шанель. М., 1997

гих воспитанниц разбирали на лето родственники. И вдруг тетушка «спохватилась». Какие на самом деле мотивы двигали ею, сказать сложно. Не исключено, что ранее у нее просто не было возможности взять к себе троих детей, а может, ей двигало чувство жалости. К тому же к ней на лето приезжала теперь и ее сестра Адриенна, ровесница Габриэль. Позже та иногда говорила, что их брали «за компанию» с Мартой и Адриенной, а вовсе не от большой любви. Габриэль все время искала виновного в своих бедах. Поступая довольно нечестно, она перекладывала на тетю вину за свое сиротство, за монастырское заточение, за разлуку с братьями и сестрами. С ней она общалась вызывающе и летние каникулы считала подачкой. Пойти на попятный Габриэль не могла. Она была несправедлива к этой женщине, но ничего не могла с собой поделать.

Тем не менее, проживание в Варене вносило разнообразие в жизнь девочек, хотя надзор за ними со стороны тети и ее мужа был строгий. Однако он не шел ни в какое сравнение с дисциплиной в монастыре. После длинной, темной галереи, в которой спали все воспитанницы приюта, Габриэль очутилась в спальне, которую делила всего с одним человеком – с Адриенной, приходившейся ей формально теткой, а по сути подругой. Можно было болтать, не боясь окрика надзирательницы, хоть всю ночь напролет. И возраст для таких душевных бесед был самый подходящий. Потихоньку отчуждение в отношении тети Луизы проходило, особенно в те моменты, когда они втроем занимались рукоделием. Тетя любила своими руками делать шляпки – никогда их не покупала, что приводило Габриэль в восторг. Она с удовольствием начала применять навыки, полученные в монастыре, помогая тете. Она уже умела довольно многое: например, расшить скатерть, окаймить салфетку, раскроить сукно, расширить или заузить юбку. Тетя иногда выбиралась в Виши купить там фетровые заготовки, а затем перекраивала их и украшала на свой лад. Под ее ловкими пальцами бесформенные болванки превращались не в безликие головные уборы, которые видишь на каждой женщине, особенно в захолустье, а в нечто оригинальное. Конечно, этим скромным изделиям далеко было до неподражаемого шика парижской моды, но, с другой стороны, они не походили на банальные шляпки с потускневшими на солнце искусственными цветами, безуспешно призванными их украсить. Помогая тете, Габриэль, пожалуй, впервые почувствовала свое будущее призвание: недаром карьеру она начнет именно со шляпок.

Кроме создания головных уборов, Габриэль в Варене развлекало чтение книжек. Дешевые сочинения французских романистов открывали перед девочкой мир таких же дешевых, как и сами книги, страстей. Но для нее, читавшей в монастыре литературу совсем иного свойства, эти истории стали настоящим окном в мир любовных интриг, приключений, в мир красивых благородных мужчин и не менее прекрасных возвышенных женщин. За лето Габриэль буквально проглатывала десяток-другой книжек, чтобы потом в монастыре развлекать себя воспоминаниями о придуманных страданиях барышень, далеких от реальной жизни.

Вскоре, сестер Шанель начали ненадолго приглашать к себе бабушка и дедушка, родители отца. Не исключено, что вместе со старшей дочерью они все-таки попытались компенсировать хоть в какой-нибудь степени свой отказ взять их к себе на воспитание. Бабушка с дедушкой жили на тот момент в Мулене, городе, где била ключом жизнь. Летом на воды съезжались состоятельные люди, прогуливавшиеся по улицам в шикарных нарядах. На свежем воздухе играли оркестры, работали многочисленные кафе. Девочек в сутолоку этого «вертепа» не пускали, но они все больше проникались духом свободы и желанием удрать из-под контроля. Гостя у родни, Габриэль, кроме положительных эмоций, столкнулась и с неприятным открытием. Оказалось, отец изредка навещал любимую сестру – тетю Луизу, и время от времени общался с родителями. Его внимания не хватало только дочерям: их он навещать не собирался. Понять причины подобного поведения Альбера несложно, вспомнив его биографию. За родителей и сестру он не нес никакой ответственности, а вот дети оставались обузой, никудышным наследством, которое ему завещала несчастная жена. Дети ассоциировались у Альбера с Жанной, постоянно преследовавшей и докучавшей ему. Обретенная свобода дорогого стоила.

Зачем же ей рисковать, когда девочки находятся под присмотром, а парни вполне способны позаботиться о себе сами? Для Габриэль новость была вторым ударом, вторым предательством отца, которого она отправила в своем воображении торговать вином в Штаты. Она уверовала в собственные сказки о нем, и неприятное открытие вернуло девочку в жестокую реальность.

К восемнадцати годам Габриэль превратилась в весьма привлекательную девушку. Она вовсе не походила на идеал того времени, будучи слишком худощавой, фактически с нулевым размером груди. Это было время пышнотелых женщин, а худоба вызывала целый ряд вопросов: не больна ли ее обладательница, какой образ жизни довел ее до такого состояния? Этот факт она потом тоже обыграет в созданном ею фирменном стиле: это будет стиль худых и плоских фигур, для которых доселе никто не удосужился сшить что-то приличное. Напротив, подобные фигуры пытались замаскировать, придать им пышности путем всяческих ухищрений. Коко Шанель недостатки фигуры превратила в достоинства, хотя часто упоминала о них. Внутренние комплексы, видимо, оставались, но внешне они больше не проявляли себя. Но ведь кроме фигуры, у девушки есть и другие черты, которые привлекают окружающих. У Габриэль были шикарные густые волосы. Она любила заплетать их в косу и укладывать вокруг головы. Лицо ее имело приятные черты: узкие, аристократические, больше унаследованные от красавчика отца, чем от матери. У него же она позаимствовала умение общаться с людьми любого круга и богатое воображение, позволявшее рассказывать выдуманные истории своей жизни. Зато от матери к ней перешло безумное трудолюбие, которое вознесет ее чуть позже на вершину славы.

Пока что она выглядела бедной девушкой из крестьянской семьи, толком не знавшей городской жизни и не видевшей достатка. Несмотря на внутренний протест, монастырское воспитание долго будет давать о себе знать. Обретенная в какой-то момент семья в лице тети Луизы, дедушки и бабушки, кузенов, других тетюшек не смогла восполнить пустоту, успевшую образоваться в душе одинокой Габриэль. Родственников, так внезапно снова объявившихся в ее жизни, она отвергла всех разом, не желая признавать, что у нее есть обязательства по отношению к семье – уж слишком поздно она ее приняла обратно. Адриенна являлась единственным исключением.

Часть вторая. 1901 – 1910 годы

Глава первая. Первые признаки свободы

Многие известные люди, особенно вышедшие из самых низов, пытаются скрывать детали своей биографии. Их путь вверх, к успеху, часто сопровождается болью, потерями, неудачами, позорными фактами, которые хочется скрыть от посторонних глаз. Неважно, что людям интересна именно эта сторона успеха. Главный герой не желает учить других преодолевать сложности, он пытается рисовать красивую картину, усыпанную розами без шипов. Именно такова Шанель; отсюда и некоторая неясность в трактовке разных периодов ее жизни, особенно на раннем этапе. По поводу ее переезда из Обазина в Мулен существует две основные версии, которые в целом картины не меняют, но первая, как более приглаженная, выглядит менее интересной – и, учитывая характер Габриэль, менее правдоподобной. Довольно часто из монастырского приюта девочек отправляли продолжать учебу в Мулене. Могли отправить и сестер Шанель. С другой стороны, в то время у них наладились какие-никакие контакты с семьей, поэтому переезд могли организовать родственники. Варен-сюр-Алье, маленький городок, где жила Луиза Костье с мужем-служащим, находился всего в двадцати километрах от Мулена. Тетя тоже могла приложить руку к судьбе молодых девиц – ведь им предстояло начать зарабатывать на жизнь, а значит следовало завершить обучение и приступить к работе. Сомнительно, что кто-то видел для девушек будущее в монастыре: они явно не годились на роль монахинь. Как бы то ни было, а Габриэль в возрасте примерно семнадцати лет приняли в одно из религиозных заведений Мулена.

Итак, первая версия гласит: Габриэль исполнилось семнадцать, и дальше держать ее в обазинском приюте монашки не могли. Поэтому при содействии тети Габриэль и Адриенна переехали в Мулен. Там располагалась католическая школа с предоставлением проживания для девушек старшего возраста. Именно в Мулене у Габриэль начнутся первые опыты работы с платьями, так как пансион предоставлял возможность подрабатывать в ателье с безукоризненной репутацией. Однако, почувствовав «ветер свободы», девушка переехала из пансиона на съемную квартиру, а вскоре запела в местном кабаре.

Вторая версия куда более витиевата и насыщена деталями. Габриэль, чей дух сопротивлялся строгой, затворнической, подчиненной безусловной дисциплине жизни в Обазине, постоянно задумывалась о побеге. Подростком она не могла ни себе, ни сестрам ничего предложить в качестве альтернативы. Но когда она повзрослела, мысли на эту тему постоянно одолевали ее. Она часто демонстрировала свой крутой нрав, который не смягчился с годами. Именно в тот момент родственники решили пристроить Адриенну, сосватав ее за некоего солидного мужчину, который был гораздо старше предполагаемой невесты и не очень хорош собой. Понятно, что самую младшую дочь в семье деда и бабушки Шанель выдать замуж было непросто. Особого приданного за ней дать не могли, а в начале очереди на замужество стояли старшие сестры. Всем казалось, что вариант просто прекрасный, отказываться от которого неразумно. По большому счету, никто отказа от Адриенны и не ждал. Сама девушка додумалась лишь до монастыря: стать монашкой, остаться в Обазине – это всё, что пришло ей в голову, когда она увидела фотографию будущего жениха.

Габриэль женихов не предлагали, однако, она сразу поддержала свою тетушку, которая была всего на год ее старше. Впрочем, поддержала только в порыве отказать жениху. Оставаться в монастыре, в заточении на всю оставшуюся жизнь? Нет, представить себе подобного она не могла, поэтому предложила Адриенне бежать. Та недолго отнекивалась – у Габриэль

характер был покруче, она умела убеждать. Впоследствии больше нее увлечь «тетю» мог только мужчина. Но куда бежать молодым девушкам без гроша в кармане? Они добрались до Варена и сдались на милость тети Луизы. Луиза собиралась отправить нарушительниц порядка обратно в монастырь, однако их отказались принять. Порядки в монастыре отличались строгостью, кроме того, возраст воспитанниц вполне позволял отправить их в другое заведение.

Новый пансион располагался в Мулене, где за Габриэль и Адриенной собирались следить воспитательницы, а также бабушка с дедушкой и тетя Луиза. По сути порядки в пансионе ничем не отличались от Обазина: строгая дисциплина, мессы, шитье, невозможность выйти в город, а если они и выходили, то в сопровождении наставниц. По дороге Габриэль смотрела по сторонам и страстно желала побродить по городу самостоятельно. У Мулена древняя история, а потому город заметно отличался от маленьких поселений, в которых обычно бывала Габриэль. Кроме памятников архитектуры он известен тем, что именно в нем после революции появился первый во Франции лицей. Еще со средних веков в Мулене располагалось много монастырей, в которые нередко удалялись в изгнание приближенные короля. В то время, когда туда переехала Габриэль население города составляло чуть более двадцати тысяч человек. В пансионе Нотр-Дам школу для старшекласниц называли «маленькой школой». В ней для бедных существовало специальное крыло, и Габриэль снова очутилась в положении неимущей приживалки, чье обучение и проживание оплачивалось за счет платных учениц. Рядом с пансионом находилась часовня, в которой по воскресеньям воспитанницы пели в хоре. Интересно, что, даже обретя свободу, Габриэль и Адриенна будут какое-то время приходить туда в воскресный день петь.

Около двух лет провели девушки в пансионе. Вместе с ними туда из Обазина перебрались сестры Габриэль – Жюли и Антуанетта. Они будут везде сопровождать Габриэль, так же как Адриенна, не в силах противиться ее харизме. Но пока Габриэль собиралась начать свое дело, Жюли уже покинула монастырь и помогала бабушке с дедушкой на ярмарках и рынках. Антуанетта, еще слишком юная, оставалась на попечении монахинь. К сожалению, сестры рано ушли из жизни: Жюли в 1910 году, когда ей исполнилось всего двадцать семь (ее сына всю жизнь будет поддерживать и воспитывать Габриэль), а Антуанетта в 1921 году в тридцать три года, на чужбине, о чем речь пойдет впереди.

В итоге воспитанниц определили работать швеями и продавщицами в магазин «У Святой Марии. Шелка, кружева и ленты»^{5*}. Товар там продавался самый разнообразный, но вполне благопристойный, поэтому девушек туда пансион определял смело. Кроме того, им полагалось жить в мансарде хозяйского дома, а хозяева, муж и жена Грампер, не сильно отставали от наставниц в монастыре и пансионе, не давая работницам особой свободы. Свободного времени у Габриэль и Адриенны практически не оставалось. Они продавали товар в магазине и принимали заказы на шитье. Вечерами девушки шили, причем качество их работы быстро оценили, к ним пошли клиентки. Именно расширение клиентуры натолкнуло Габриэль на мысль о том, что сейчас самое время зажить отдельно. В двадцать один, год своего совершеннолетия она осуществила давнишнюю мечту: сняла отдельную комнату в дешевом районе Мулена. Адриенна недолго скучала в одиночестве и вскоре присоединилась к подруге. Работы было много. Габриэль переманила к себе многих клиенток из магазина и обрела новых. О ней заговорили, хотя пока еще не в тех кругах, в каких заговорят позже. Но для нее это был успех – первый успех, достигнутый благодаря стараниям, трудолюбию и умениям, полученным в монастыре и отточенным в пансионе. Теперь они с Адриенной не только принимали клиенток у себя, но и часто выезжали к богатым дамам в их замки, коих немало рассыпано по окрестностям Мулена.

Некоторое время девушек не осуждали. В конце концов их добропорядочный образ жизни и работа никого не смущали. Длилось такое положение, однако, недолго. Ведь зачем

⁵ * Дом, в котором находился магазин, существует до сих пор. На фасаде можно разглядеть окончание слова «кружево» (*dentelles*).

обретать свободу, если ею не пользоваться и жить как жили? Они открыли для себя совсем другой Мулен. Это был не тихий город, олицетворявший собой степенность и благонравие, а шумный, наполненный людьми - с магазинами и бульварами, где располагались кафе и кондитерские. Несмотря на обилие клиентов, денег Габриэль и Адриенна зарабатывали мало. Ситуация с оплатой труда швей практически не изменилась с тех времен, когда этим трудом пыталась зарабатывать на жизнь мать Габриэль. Однако разница была, и существенная: Габриэль тратила деньги исключительно на себя. Они с Адриенной оплачивали нехитрое жилище, а остальное тратили на развлечения в недолгие периоды отдыха от шитья. Так как в Мулене было расквартировано несколько полков (с 1889 по 1913 год тон задавал лишь один — 10-й конных егерей), то в тех местах, где проводили время военные, царило безудержное веселье. Компания там обычно собралась отборнейшая: одновременно Сен-Жерменское предместье и цвет местного общества. Офицеры собирались в кафе и кондитерских, прогуливались по бульварам в центре города. Какие же заведения тогда посещали наши молодые мадмуазели? Они не скупилась на дорогие кафе, предпочитая потратить все деньги на одно пирожное, зато в престижном месте.

Итак, совершив небольшую прогулку по Мулену. Вот магазинчик «*Les Palets d'Or*» («Золотые камушки»), декор для которого был выполнен в 1898 году городской Школой изящных искусств в неоклассическом стиле. Вход в него украшала мозаика знаменитого итальянского художника-мозаичиста Пьетро Фавре. По сей день в магазине продают конфеты из крема «Ганаш» (растопленный шоколад и сливки), покрытые горьким шоколадом и завернутые в тонкую золотую фольгу. Чайная «*La Tentation*» («Искушение») в начале XX века была очень модным заведением, там подавали чай с пирожными. К чаю девушки не привыкли, зато пирожные ели с удовольствием. Но Габриэль считала нужным заказывать чай, потому что тогда было в моде все английское, включая чаепитие. У заказчиц дома она часто его видела в чашках тонкого фарфора. В 1899 году открылось еще одно фешенебельное заведение — «Гранд кафе». Когда Адриенна говорила, что боится встретить в кафе родственников, Габриэль смеялась в ответ: «Они люди экономные, в такие места не ходят!» «Гранд кафе» отличалось весьма высокими ценами. Отправившись туда в первый раз, девушки взяли с собой все сбережения, не представляя даже близко, какой счет их ожидает.

Владелец ресторана обычно парковал свой автомобиль прямо перед террасой, чтобы привлечь к себе внимание и произвести на публику впечатление — тогда машин во всей Франции было мало, а в Мулене всего одна. «Гранд кафе» весьма ценилось местным сообществом; люди там могли пользоваться современными удобствами, например, телефоном, в блестящей, самой современной архитектурной обстановке. Интерьер ресторана состоял из множества зеркал, потолок расписывала местная знаменитость — художник-декоратор Огюст Саурой. На балконе ресторана играл оркестр, создавая легкую, расслабляющую атмосферу. Биографы довольно язвительно отзываются о «Гранд кафе», когда описывают, как Габриэль ходила туда ради престижа. На самом деле оно считается одним из самых красивых во Франции, а с 1978 года включено в список исторических памятников. Была еще «Ротонда», кафешантан, располагавшийся в саду у вокзала Мулена^{6*}. «Этот круглый павильон с решетчатыми стенами, построенный около 1860 года, предназначался для кафе, а также, как уточнялось в постановлении префектуры, для читальни. Читальный зал должен был располагаться на верхнем этаже, ибо “Ротонда”, на китайский манер, была увенчана остроконечной крышей, откуда открывался вид на сад. Это был миленький провинциальный скверик с разными видами деревьев и аксессуарами, являющимися неперенными атрибутами публичных садов: кедры, вязы, кипарисы, несколько каштанов, скамейки, окружающие газон, отлитый в бронзе местный поэт в домашнем халате, восседающий в кресле, и, наконец, в бассейне ритмично подгребающие лапами два довольно злобных старых лебедя. Но поскольку во Франции начала распространяться мода

^{6*} В настоящее время «Ротонда» уже не существует

на кабаре, “Ротонда” не долго использовалась в культурных целях. После ее постройки едва минуло два года, как в ней уже пели. Тогда муниципалитет окружил павильон прочной решеткой, дабы держать любопытных на расстоянии, а плотные занавеси закрыли широкие окна. «Ротонда» стала кафешантаном»^{7**}. Именно там Габриэль начнет свою недолгую, но яркую певческую карьеру.

Мысль выступать в кафешантане придет чуть позже, а пока молодые, красивые мадмуазели ходят по кафе, и с ними знакомятся офицеры, которые и сами представляли довольно яркое зрелище. В конце дня они надевали ярко-красные шаровары, более широкие, чем дозволялось уставом, и шли гулять по бульвару, заломив кепи набекрень, так чтобы было не слишком заметно. Кепи было разношенным и мягким и, несмотря на очень длинный козырек, легко засовывалось в карман. Очень быстро Габриэль и Адриенна стали украшением муленских вечеров, придавая им особый блеск – они отличались от обычных офицерских спутниц, вульгарных куртизанок. Воспитание, полученное в монастыре, давало о себе знать – они вели себя как королевы.

Много лет спустя некоторые из этих офицеров будут рассказывать о Коко Шанель. Имена их известны, они принадлежали к аристократии или богатой буржуазии. Их свидетельства проливали свет на время, проведенное Габриэль в Мулене. Как бы сначала они с Адриенной ни вели себя, их репутация потихоньку подтачивалась, в итоге рухнув окончательно: ведь одно дело тихо пить днем чай или есть пирожные, а совсем другое – проводить вечера с офицерами в кафешантане. В отличие от Габриэль, восторгавшейся новой жизнью, Адриенна испытывала муки совести. Слишком уж резким оказался переход от монастыря к времяпровождению в компании лейтенантов 10-го егерского. Но Габриэль не собиралась сдаваться: впереди было слишком много искушений, а позади – сплошная рутина и серая повседневность.

^{7 **} Шарль-Ру Э. Непостижимая Шанель. М., 1997

Глава вторая. Певица кафешантана

По большому счету, выбор дальнейшего пути у Мадмуазель был невелик. Офицеры из высшего общества не женились бы на простых, бедных девушках, а искать себе мужа среди ровни уже не хотелось. Это значило в лучшем случае повторить судьбу тети Луизы, а в худшем – матери Габриэль. Становиться содержанками им тогда тоже не хотелось, хотя именно эта судьба их не миновала. Ничего оригинальнее, чем стать актрисой, в голову Габриэль не пришло. Швея обречена портить себе зрение (что потом все равно случилось), с иголкой в руках зарабатывая гроши на пропитание. Почему-то Габриэль решила, что ее опыта пения в церковном хоре вполне достаточно для карьеры певицы. Пела Габриэль всегда с удовольствием и только ради хора продолжала бегать по воскресеньям к своим наставницам в пансион Нотр-Дам. Девушка видела других певиц в «Ротонде» и считала, что вполне годится для этой роли. Тем более, что знакомые офицеры обещали начинающему таланту всяческую поддержку. В «Ротонде» не стеснялись выражать свое отношение к выступающим. Это делалось не только при помощи звонкой монеты, которую кидали (или не кидали) в шляпу певцу. Зрители могли и освистать того, чей талант считали недостойным кафешантана, а то и забросать вишневыми косточками. Атмосфера там царила развеселая. Офицеры не сильно напивались – им важнее было сохранять форму для скачек – но это не мешало им шуметь, что есть мочи, подпевая понравившимся исполнителям, и скакать на стульях по залу, сотрясая пол. Учитывая эти моменты, можно с уверенностью сказать: поддержка военных дорогого стоила.

Просто так любой желающий выйти на сцену «Ротонды» возможности, конечно, не имел. Все-таки удачное расположение заведения и постоянно забитый битком зал предоставляли отличный шанс заработать. Поэтому для начала следовало договориться с директором, представить себя ему наилучшим образом. На фотографиях того времени мы видим на лице Габриэль застенчивый взгляд и робкую улыбку. Стоящая рядом Адриенна выглядит куда бойчее: вздернутый подбородок, горделивая поза. На деле все было с точностью до наоборот: Адриенна постоянно стеснялась и робела. Предложения Габриэль она принимала под нажимом последней, всегда высказывая опасения по поводу исхода дела. Даже первые походы в кафе ее пугали – что скажут родственники, если их там увидят, хватит ли им денег? А уж перспектива петь в «Ротонде» привела Адриенну в полный ужас. Но Габриэль, как обычно, проявила настойчивость, и они пошли к директору кафешантана. Тот попытался выяснить, каков у девушек опыт выступлений и репертуар. С обоими пунктами было не то что небогато, а попросту никак.

Дело решил единственный фактор: директор знал о популярности Габриэль у офицеров гарнизона, а потому надеялся, что те поддержат своих подруг. С другой стороны, он ничем особенно не рисковал. В «Ротонде» существовал порядок, заведенный во многих французских кабаре: солисток («звезд» большего или меньшего масштаба), получавших гонорары, окружали статистики, которые выступали в паузах между основными номерами. В отличие от столицы, в Мулене по-прежнему на сцене кафешантанов примерно десять статисток сидели полукругом позади «звезд». В их задачу входило создание атмосферы салона, придание заведению более благородного вида и заполнение пауз между номерами. Когда «звезда» уходила, статистики вставали и по очереди пели песенки, хотя их особо никто не слушал. Одна из них в это время ходила между столиками и собирала деньги – традиция, от которой в Париже в различных заведениях давно отказались, считая ее несоответствующей уровню хорошего кабаре. Таким образом, директор кафешантана без особых проблем мог избавляться от тех статисток, которых освистывали и которым не кидали денег в шляпу (что, впрочем, скорее являлось их проблемой, поэтому обычно статистики очень волновались перед выходом).

Первый кафешантан подобного рода открылся в Париже, на знаменитых Елисейских полях в революционном 1789 году. Кабаре появились гораздо раньше, но тот вид, который им присущ сегодня, они начали принимать в 1773 году, окончательно сформировавшись в 1881 году, когда открылось знаменитое «*Le Chat Noir*» («Черная кошка») в том же Париже. Основное отличие от кафешантанов заключалось в том, что в кабаре часто пели сатирические песни или произносили юмористические монологи на злобу дня. Кроме того, первые кафешантаны располагались в уличных кафе, где исполнялась легкая, популярная музыка, не отягощенная политической сатирой. Одной из ярчайших звезд того времени была Иветт Гильбер, блиставшая в Париже, гастролировавшая по Европе и Америке. Многие сравнивают Иветт и Габриэль: обе худые, темноволосые, из бедных семей, трудом и талантом пробившиеся к успеху. Этот стиль исполнения и сейчас можно услышать в записях тридцатых-сороковых. Безумно популярную Иветт даже успели снять в немом кино. Видимо, в похожем стиле пела Габриэль и выглядела примерно так же. Для сцены ее своеобразная внешность подходила куда больше, чем для обычной жизни, где царили несколько иные стандарты.

С репертуаром у Габриэль все-таки вышли проблемы. Откуда девушка, певшая в церковном хоре, могла знать репертуар кафешантанов? Только из самой «Ротонды», в которую ее водили кавалеры-офицеры. Наизусть она знала всего две песни, зато самые популярные: «Кукареку» и «Кто видал Коко на Трокадеро». По-французски «кукареку» звучит как «кокорико» (*cocorico*), поэтому обе песни объединял припев, где рефреном шло будущее прозвище Габриэль Шанель. Ревю «Кукареку» с успехом шло в 1898 году на сцене одного из самых шикарных парижских кабаре, «Ла Скала», а главные партии в нем пела известная в столице Полер. Появление Габриэль на сцене «Ротонды» традиционно встречали различными звукоподражаниями, в основном кудахтаньем. Поклонники хотели подбодрить свою подругу, когда она выводила хриплым голосом робкое «кукареку», в котором с трудом можно было распознать победный крик петуха. Затем она проворно седлала второго своего любимого конька, переходя к куплетам, всегда заставлявшим зал сотрясаться от смеха. Песенка тоже была на слуху: «Кто видал Коко у Трокадеро?», Габриэль старалась изо всех сил, вкладывая в песенки душу. Она пела и уже видела себя королевой Парижа, звездой мюзик-холла. Так как ее репертуар состоял из песен с припевами «Коко», то военные кричали это слово, вызывая Габриэль на бис или приветствуя ее на сцене. В итоге за Габриэль закрепилось прозвище «Коко»: она была Коко для всех офицеров, для всех своих друзей из гарнизона. Так получилось, и избавиться от этого было невозможно.

Годы спустя Мадмуазель постарается облагородить и эту историю. Якобы так в детстве называл ее обожаемый отец - «моя малышка Коко». Конечно, история с гарнизонными офицерами куда менее романтична, но слишком многие помнили Габриэль поющей в Мулене. Одним из тех, кто делился своими воспоминаниями, был Шарль Колькомбе, служивший в 1911 году в Сент-Этьене, в 14-м драгунском полку. Ему часто случалось сопровождать в Мулен своего капитана, завсегдатая «Ротонды», и тот рассказывал о некоей Коко, о которой у него сохранились неизгладимые воспоминания. Они оба затем встретили Габриэль на скачках в Виши в обществе Адриенны. Колькомбе, сделавший карьеру в текстильной промышленности, остался верным другом Шанель, несмотря на компрометирующие ее воспоминания.

Ее опыт пения в хоре никак не сказывался на качестве исполнения. Если сейчас послушать песенки, которые исполняла Габриэль, то очевидно, что особых вокальных данных для них не требовалось, а уж под аплодисменты многочисленных кавалеров она могла петь как угодно. Успех Коко, безусловно, вызывал у других исполнительниц зависть. Звездочки местного масштаба боялись, что их подвинут с главных ролей, а статистки тем более видели в ней конкурентку, на глазах уводившую у них из-под носа реальные деньги. Ей подкидывали оскорбительные записочки, распускали про нее грязные слухи, касавшиеся ее нравственного облика. От этого страдала и Адриенна – они же были неразлучными подругами. На тот момент обе

девушки под влиянием полученного в монастыре воспитания на самом деле вели себя целомудренно, не позволяя в общении с офицерами ничего лишнего. Когда обсуждают, каким на самом деле было поведение Габриэль, то, судя по всему, в тот момент это была гремучая смесь строгого воспитания и желания преуспеть, сочетавшегося с определенным напором и даже наглостью с ее стороны. Поклонники кружили вокруг, но она с ними лишь флиртовала. Потому в «Ротонду» просто валом валили ее друзья – ревновать было не к кому, они все имели одинаковые шансы добиться от Габриэль близости. Несмотря на стойкость девушки в плане морали (которой было не суждено продлиться долго), ее репутация оказалась подмочена. В этом были виновны не только завистливые певички, распускавшие слухи: у обывателей в целом сложилось не самое лестное мнение о подобном роде деятельности. Часто оно соответствовало действительности. Да и что должны были думать люди, мимо которых дефилировала молодая особа в сопровождении целой компании офицеров? Слухи в итоге дошли и до магазинчика «У Святой Марии». Его владельцы, продолжавшие давать девушкам подработку, узнав об их новом занятии, прервали с ними всяческие отношения, а ведь на одном только пении заработать Габриэль и Адриенна не могли. Адриенна, несмотря на более выгодные внешние данные, не обладала харизмой племянницы и собирала в шляпу еще меньше монет. Поэтому целыми днями они продолжали шить.

«Ротонда» тоже не оправдывала ожиданий Габриэль. Со стороны ей казалось, что за кулисами куда красивее, чем на самом деле. Попав в закулисы, она была сильно разочарована: там царили затхлость, дурные запахи и неприятные звуки. Представления о жизни «звездочек» кафешантана рассыпались в пух и прах. Никто возле нее не крутился, помогая одеться, не подносил воды, не ахал от восторга. Напротив, все выступавшие в «Ротонде» друг друга ненавидели, справедливо полагая, что конкуренция в таком заведении здоровой быть не может. Габриэль быстро увидела всю убогость кафешантана: отсутствие воды в гримерных, свежего воздуха и настоящих звезд на афишах: туда набирали артисток, уже вышедших в тираж, у которых не было ни должных сил, ни энергии. Габриэль понимала, что, несмотря на громкое восхищение нескольких военных, путь к славе для нее пролегал где-то вдали от Мулена. Сомнения одолевали молодую девушку, не видевшую столичных спектаклей, но чувствовавшую, что здесь что-то не так.

С одной стороны, сама Габриэль понимала: карьеры артистки в Мулене не сделать. Ее тетушка и лучшая подруга Адриенна с самого начала не приветствовала эту идею из страха ко всему новому и непривычному, а также из-за полученного воспитания, которое плохо стыковалось с пением в кафешантане. Адриенна пошла на поводу у Габриэль, но в восторге от полученной работы не пребывала. Подтвердить опасения подруги значило для Габриэль признать в провале, в ошибочности принятого решения. Поэтому, внутренне разочаровавшись, она продолжала настаивать на певческой карьере. С другой стороны, Габриэль в самом деле считала профессию швеи крайне непривлекательной. Следовало искать другие возможности для достижения успеха. Как вырваться из этого замкнутого круга? Оставалось обвинять во всем Мулен, казавшийся вначале чуть ли ни центром цивилизации. При ближайшем рассмотрении эти иллюзии развеялись – захолустье чуть лучше, чем другие, но далекое от Парижа во всем, в том числе в плане дальнейших перспектив. Выход был один: уехать из Мулена. У девушек явно не хватало средств добраться до Парижа – им и ближайшие города были не по карману. Тем более, что в Мулене они всегда могли подработать, а в других местах их никто не знал, и всё пришлось бы начинать с нуля.

Адриенна, конечно, противилась идее переезда. Пусть уж будет кафешантан, где она не имела вообще никакого успеха, зато в привычном Мулене. Однако заставить Габриэль выбросить эту мысль из головы было не просто. Впоследствии Мадмуазель не раз добьется своего именно благодаря упрямству, огромному желанию сделать, как ей хочется, перевернув привычный мир с ног на голову. Но порой планы у нее выстраивались одни, а реальность пре-

подносила неприятные сюрпризы. Впрочем, не попробуешь – не получишь вообще никакого результата, ни хорошего, ни плохого.

Мысли о бесперспективности пребывания в Мулене начали часто посещать Габриэль именно тогда, когда ее карьера в «Ротонде» начала, наконец, складываться. Директор заведения предложил ей годичный контракт, который она радостно подписала. Адриенна предложенный Габриэль контракт за честь не считала, продолжая отвергать карьеру певицы всей душой. Тем более, что она не обладала ни дарованием, ни самобытным шармом, ни силой духа, как ее племянница, и в ее глазах вознаграждение заслуг Габриэль являлось долгожданным торжеством справедливости. Но после нескольких месяцев эйфории, в течение которых Габриэль видела себя на пороге блистательной карьеры, она вдруг заскучала. Ограниченность ее успеха вставала перед ней со всей очевидностью. Да, конечно, ее хорошо знают в Мулене, возможно, даже слишком хорошо. Но то ли это будущее, о котором она мечтала? И в конце концов, это всего-навсего Мулен!

Адриенна не то что не завидовала Габриэль – она испытала огромное облегчение, узнав о завершении своей карьеры в «Ротонде». И старшая сестра, тетя Луиза, будет довольна, и ей самой спокойнее. Надо отметить, что родственникам заботы доставляли не только Габриэль и Адриенна, вздумавшие выступать на сцене. В то же самое время старшая сестра Габриэль Жюли забеременела от ярмарочного торговца Антуана Паласса. В конце ноября 1904 года на свет появился ее сын Андре Паласс, о котором после смерти Жюли всю жизнь будет заботиться Коко Шанель. Пока же разразился скандал, схожий с тем, что был связан с беременностью Жанны: старшая дочка пошла по стопам матери. Отец ребенка признал, но жениться отказался. Уж лучше на сцене петь, чем иметь подобную судьбу, считали родственники. Хотя, на их взгляд, судьба певицек кафешантана прямой дорогой вела к даже худшему развитию событий, чем у Жюли.

Именно в этот нервный для семьи период Габриэль решила уехать из Мулена. При этом Адриенна, желавшая иметь крепкую семью и достаток, а вовсе не петь в кабаре, основные усилия направляла на поиск достойного мужа. Однако первая же попытка завершилась неудачно: молодому человеку запретили жениться на бедной, безродной красотке Адриенне. Обе девушки, и Адриенна, и Габриэль больше всего боялись очутиться в положении Жюли – беременность без мужа виделась им (и справедливо) самым страшным, что могло с ними случиться. Поэтому до поры до времени Адриенна искала кандидата в законные супруги, а Габриэль строила карьеру, флиртуя со всеми, но не сближаясь ни с кем. Офицеры, которые так аплодировали своей «Коко», даже если бы захотели на ней жениться, получили бы такой же жесткий запрет со стороны своей семьи, как и молодой человек Адриенны. И вот Габриэль решила ехать в Виши...

От Мулена до Виши порядка шестидесяти километров. Дальше ехать Габриэль не могла себе позволить финансово, да и психологически впервые пуститься в самостоятельное дальней путешествие было страшновато. Населяло город в то время около 15 тысяч человек (сейчас 25 тысяч), что даже чуть меньше чем в Мулене. Но Виши имел большое преимущество: в XIX веке город стал популярным курортом, куда на воды стекались сливки французского и европейского общества. Местные термальные воды и раньше пользовались заслуженной славой, однако город имел плохую инфраструктуру, которую начали развивать лишь с первой половины столетия.

К 1852 году Виши добился большого успеха в своих попытках увеличить число курортников за счет улучшения условий для лечения и проживания: в тот момент в городе насчитывалось уже около семи тысяч гостей. Очень быстро в связи с этим открылись театры, рестораны и, конечно, кабаре. Визит Наполеона III в шестидесятых годах привел к настоящему буму строительства: возводились новые здания, на месте осушенных болот разбивались парки, открывалось казино. В 1903 году построили здание оперы. К тому времени количество приезжающих на воды достигло сорока тысяч человек. «Если в те времена Франция ела слишком много, что

же говорить о ее жажде завоеваний? Гастрономические излишества, равно как и всякого рода романтические экспедиции, обеспечивали Виши постоянно обновлявшуюся клиентуру. Жара, жизнь в палатках, встречи в мавританских кафе и экзотическая любовь губительно сказывались на юношах из хороших семей. Они возвращались в метрополию совершенно изможденными. Им прописывали лечение водами. Они приезжали в Виши, где сезон затягивался на полгода, и лечились вместе с женами или любовницами. Самое главное было не только выздороветь, но и как следует развлечься». В опере города Виши считали за честь выступить мировые звезды. Город превратился в летнюю столицу музыки Франции.

Габриэль справедливо считала, что путь в Париж начинается с малого – с завоевания Виши, ведь он нередко становился для выступавших здесь артистов этапом на пути к покорению столицы. «Король городов на водах», как его называют и теперь, привлекал к себе богатую космополитическую публику. «Кажется, что вы на берегах Нила, а не на берегах Алье^{8*}», – заметил один из хроникеров «Фигаро». После принятия лечебных процедур и ожидания у киосков с водой, которую им разливали в стаканы-мензурки мадмузели в фартучках и белых чепчиках, страдалцы печеночными коликами жаждали развлечений. Хворь не мешала им с энтузиазмом аплодировать комедиям, операм, опереттам, представлениям мюзик-холлов и ревю. Одних только театров варьете в городе никогда не бывало менее четырех – таких, как например «Альказар» или «Элизе-Палас», экстравагантный фасад которого, выдержанный в чистейшем стиле *nouvelle*^{9*}, игриво контрастировал с классической строгостью окружавших его буржуазных особняков».

Ближе к лету 1905 года Габриэль и верная Адриенна двинулись в путь. Они рассчитывали подписать контракты как раз к началу сезона, планомерно обходя все увеселительные заведения города. Их небольших сбережений на долгий срок не хватило бы, но в путь они отправились с дополнительной суммой, которой снабдил Габриэль ее новый друг – Этьен Бальзан. Этот молодой офицер сыграл в жизни Коко Шанель огромную роль, помогая своей подруге в ее начинаниях. Впрочем, поездка в Виши не нашла в его душе большого отклика. Он не считал Габриэль способной певицей: если ты отлично поешь в церковном хоре, это вовсе не значит, что ты можешь выступать в кабаре или кафешантане. В Мулене у Габриэль было много поклонников – они помогали ей, как могли, создавая популярность фактически на пустом месте. Виши – совсем другое дело. Бальзан прекрасно понимал, что без поддержки офицеров муленского гарнизона, без способностей к танцам, без подходящего репертуара и нужного для кабаре голоса Габриэль вряд ли ожидает успех на этом поприще.

Она не слушала мудрых слов Этьена, тем более что сначала он был лишь одним из многих кавалеров, с которыми ей довелось познакомиться в Мулене. Все прощались с Габриэль с печалью в глазах; никто не хотел, чтобы они с Адриенной уезжали. Офицеры даже обещали приезжать на их концерты в Виши: ведь громкие выкрики и аплодисменты на новом месте наверняка им понадобятся. Однако помог в авантюре Габриэль только один человек: Этьен Бальзан, выступавший против. Зачем ему это было нужно? Наверное, он влюбился и хотел помочь, несмотря на нежелание отпускать Габриэль из Мулена. Но мог и захотеть, чтобы она сама поняла свою ошибку, окунувшись в реальность, которую он знал так хорошо, благодаря происхождению, и о которой она не подозревала. Кроме денег на проживание Бальзан постарался приодеть своих подопечных. Ехать в Виши в том, в чем они выступали в Мулене, было совершенно бесполезно – другой уровень, в нарядах в том числе. Недостаточно было уметь кроить и шить, надо было еще купить все необходимое. Габриэль и Адриенна в магазине на Часовой улице выбрали несколько отрезков новой ткани, от которой все женщины сходили с

⁸ * Алье – река, на которой стоит город Виши.

⁹ * Стиль *nouvelle* – пренебрежительное название стиля «ар-нуво» или «модерн», получившее распространение в конце 19 – начале 20 века.

ума. После чего последовали советам журнала «Иллюстрасьон», который постоянно читали военные, поэтому иного наставника у девушек не было. Вокруг шляп возникли споры. Следуя примеру тети Луизы, Габриэль и Адриенна сочли своим долгом переделать уже готовое. Но кто мог их вдохновить? Решение приняла Габриэль: она смастерила шляпы по своему вкусу, а Адриенна, как обычно, подчинилась. Так они прибыли в Виши в платьях и шляпах, сделанных собственными руками.

Поселиться в Виши девушки решили в дешевом районе, где жили простые работяги и женщины легкого поведения. Габриэль прекрасно понимала, что попала туда, откуда бежала - в те самые места, где всю жизнь жили ее родители. Знакомые Габриэль по тому периоду жизни - девушки и женщины ее круга, не желавшие становиться простыми работницами, пытавшиеся вырваться из той среды, в которой родились и воспитывались, - говорили, что первые месяцы, которые Габриэль провела в Виши, были трудными, и не давали особой надежды. Но, как и ранее в Мулене, здесь молодые тетя и племянница проводили время в тех местах, где любили гулять приехавшие на лечение состоятельные люди. Они любовались необычной архитектурой зданий, приглядывались к театрам и кабаре. Впрочем, расчет на начало сезона не оправдался сразу. Не только Габриэль и Адриенна прослышали про Виши и пытались попытать там удачу: были и другие, более талантливые, харизматичные и лучше подготовленные. К тому же большинство позаботились о месте на сцене заранее – всё было расписано, и единственное на что могли надеяться юные барышни, - вдруг срочно понадобится заменить кого-то из артисток. Но куда бы они ни обращались с предложениями, везде импресарио, режиссеры и директора грубо отмахивались от них. А статисток, сидевших по кругу сцены в ожидании краткой паузы для выступления со шляпой в руках, в Виши уже не держали. Но если у Габриэль оставались на прослушивании хоть какие-то шансы, то у красотки Адриенны – никаких. В жизни она представляла собой тот как раз тот тип молодых женщин, которые привлекают мужчин, но для сцены ее образ не годился. Адриенна с удовольствием засобиралась обратно в Мулен – карьера певички ее совсем не привлекала.

Несмотря на весьма пессимистические прогнозы по поводу развития ее способностей, Габриэль осталась и начала брать уроки пения и танца. Она была не одинока в стремлении научиться невеликим премудростям работы в кабаре («невеликие» не значит, что им легко обучиться тем, кто не годится для этой профессии). Учителя разного толка с готовностью брали учениц, тративших последние гроши на обучение. У Габриэль еще оставались деньги Бальзана, и она без сожаления тратила их на уроки. Перво-наперво ей советовали определиться с амплуа. Определившись, она смогла бы более четко планировать программу и шить платья ей под стать. К тому же, разные амплуа требовали разных способностей, которые и требовалось бы развивать. Пианист из кабаре, дававший Габриэль уроки, посчитал, что танцует она лучше, чем поет, поэтому надо делать акцент на движениях. Более того, Габриэль была ужасно худа – точно так же, как знаменитая Полер, чей размер талии позже занесли в книгу Гинесса - 41 сантиметр, не больше!

Полер (она же Эмили-Мари Бушар) начала выступать еще в Алжире, где родилась во французской семье в 1874 году. Затем началась ее триумфальная карьера в Париже. Такими худенькими в то время были единицы: несмотря на то, что женщины пытались сделать свою талию потоньше путем всяческих ухищрений, подобная худоба считалась не совсем нормальным явлением: то ли болеет девушка чем-то, то ли прозябает в нищете, то ли еще какая-то неприличная причина у ее осиной талии и отсутствии груди. Но Полер удалось обратить недостаток в достоинство. Ее амплуа было «*gommeuse épileptique*» странное словосочетание, образованное из двух понятий. «*Gommeuse*» обозначало для мужского пола «франт», «пижон», «щеголь», соответственно для женского пола – «пижонка», «модница». На сцене певица кривлялась, виляла бедрами, прыгала, вертелась. Многое зависело от туалета, от умения задорно дрыгать ногами и делать пируэты. «*Epileptique*» и подразумевало активные движения телом,

жестикуляцию и гримасы. Раз великой Полер это принесло славу, то почему бы не попробовать Габриэль? Интересно, что Полер уже в конце XIX века носила короткую стрижку и короткие юбки – мода, которую повсеместно введет Коко Шанель десятилетия спустя.

Новое амплуа потребовало новых нарядов: «вертлявые пижонки» обычно выступали в платьях, богато расшитых блестками. С репертуаром было проще: по сути, песни, сделавшие Полер знаменитой, мало чем отличались от того, что пела Габриэль в «Ротонде». Одна из самых известных песен в репертуаре Полер была «*Tha-ra-ra-boum-di-hé*» (весьма задорная, надо сказать, особенно припев, и по содержанию довольно-таки фривольная). Тем не менее, несмотря на внешнее сходство, Габриэль постоянно ставили в укор неумение петь: Полет, мол, не только кривляется и выделяет кульбиты на сцене, но и поет. Уроки и наряды требовали затрат, а деньги таяли на глазах. Заработать на начинающих певчих старались все, кому не лень. Учителя дружно подбирали им амплуа, хотя это ничего в дальнейших переговорах с импресарио не решало. Девушки, стекавшиеся в Виши, не имея лишних денег, чаще всего покупали подержанные платья, которые после просмотров следовало возвращать обратно. Торговки пытались всячески обманывать дебютанток: находили дырки, пятна, скрупулезно считали нашитые блестки. Габриэль только и делала, что подновляла свои платья. Знакомая работа: шить, чинить одежду, стирать, гладить. Она проводила вечера, а то и ночи с иголкой в руке. «Франтиха» чаще всего носила платье с блестками, что выглядело весьма эффектно в огнях лампы, но при малейшей зацепке блестки начинали осыпаться. Девушки после представления ползали по полу, собирая их, чтобы потом пришить обратно. Да, умения Габриэльгодились, но не в той области, в которой ей в тот момент хотелось преуспеть. Зато она научилась наносить грим, более профессионально вести себя на сцене. Научилась и подбирать себе платья, которые бы выделяли ее из толпы статисток. Способность заставлять высший свет ходить в том, что она им «прописала», придет куда позже, но первые опыты по созданию собственного стиля Коко начала делать именно в Виши.

У Габриэль был год, чтобы преуспеть. Когда она приехала, сезон уже начался. Ее не взяли, и Коко пошла учиться. В то время, еще на поприще певицы кафешантана, она не опускала руки и много работала, ведь трудолюбия ей было не занимать. Коко занималась пением и танцами, шила и перешивала наряды для выступлений, ходила на прослушивания – всё тщетно. В тот период финансовая помощь продолжала приходить от Этьена Бальзана, который время от времени навещал свою подопечную. Некоторые биографы предполагают, что именно тогда он стал ее любовником, а не просто другом, поэтому и продолжал давать ей деньги. Сказать тут что-то определенное сложно, да и на данном этапе жизни Габриэль этот факт не имел большого значения, ведь она всегда старалась заработать сама. В Виши ей вовсе не хотелось снова возвращаться к шитью для богатых клиенток, поэтому летом 1906 года она нашла себе другую работу – весьма распространенную на курорте. Она стала подавать курортникам воду. Этим в Виши занимались миловидные, приветливые девушки, отмерявшие прописанное врачом количество минеральной воды в специальные стаканчики. Габриэль вставала на дно глубокой ямы, одетая во всё белое, тепло обутая в прелестные короткие сапожки. Она брала один из стаканчиков, оплетенных в солому, висевших на стене. В центре, под колпаком из хрусталя, бил искрящийся теплый источник. Габриэль подходила к нему, с важным видом наполняла стакан, затем критическим взором проверяла дозу. Курортникам она нравилась. Они наклонялись к ней, протягивали руки за стаканчиками, говорили комплименты. Однако такая карьера Габриэль не привлекала. Но что делать, если тебя не берут в кабаре, несмотря на платья в блестках и новые разученные песни? Очередной сезон в Виши подходил к концу, гости города разъезжались по домам. Вторую зиму учиться на деньги Бальзана ей не хотелось. Большинство магазинов и кабаре закрылись до следующего лета – а Габриэль пришлось покинуть Виши не солоно хлебавши.

Глава третья. Возвращение в Мулен

Всегда тяжело возвращаться с пустыми руками туда, откуда ты бежал в надежде обрести славу и деньги. Вместо этого Габриэль получила полный провал и никакого удовлетворения. Конечно, офицеры гарнизона были ей рады – их Коко вернулась и снова будет вносить разнообразие в повседневную рутину службы. Только ей это теперь нравилось еще меньше. Коко опять пришлось взять в руки иголку с ниткой. Иным способом она зарабатывать не умела, а певческая карьера была похоронена. За время ее отсутствия Коко не забыли, Теперь рядом не было Адриенны, скрашивавшей прежде дни, проводимые над шитьем, что еще более разочаровывало. Из Виши тетя направилась к Мод, чтобы осуществить свою мечту и выйти замуж.

Эта самая Мод представляла собой воистину великолепное зрелище. Нет, она не опустилась до того, чтобы держать бордель. Будучи особой весьма невысокого происхождения (дочь каменщика), она организовала в своем доме место для встреч мужчин и женщин, желавших познакомиться друг с другом. Цели при этом у них бывали разные: кто-то из девиц, как Адриенна, искал свою вторую половину, кто-то солидного друга, который смог бы ее содержать. Мод тоже имела друга, надежного, проверенного временем. С его помощью она приобрела виллу в окрестностях Совиньи, где и устраивала свои «полдни». Сосватав пару, Мод прямо намекала им на то, что они должны ее отблагодарить: эти средства, да помощь друга держали ее на плаву. В сравнении с гарнизоном Мулена Мод предоставляла для женщин куда больший выбор для знакомств. К тому же в роли компаньонки она сопровождала пары во время первых свиданий, что давало юным девам защиту от пересудов, а мужчинам, пожелавшим завести интрижку, защиту репутации и оправдания для жены. Мод обладала двумя основными способностями: сводницы и дуэньи. Она умела быть и тем и другим. К ней в дом приходили провинциалки, жившие неподалеку, подружки офицеров из Муленского гарнизона, но не законные жены.

Стол Мод организовывала на славу, нравы у нее царили простые. Дамы и кавалеры встречались в саду, под сенью деревьев расставлялись шезлонги. Пирожные, чашки с шоколадом, сливки передавались из рук в руки, в корзинках лежал хлеб. Самая большая забава состояла в том, чтобы в солнечные дни, невзирая на туалеты, надеть черные соломенные канотье, которых у Мод было в избытке. Тогда венгерки^{10*} несколько теряли свой официальный вид, а воротнички расстегивались. Офицеры обсуждали продвижение по службе, помещики толковали о сельском хозяйстве. Параллельно все выпивали, закусывали и флиртовали с дамами. Дамы делали вид, что отдыхали, на деле зорко отслеживая перемещения и взгляды мужчин.

Адриенна после провала в Виши вырвалась из-под влияния своей энергичной племянницы и поехала к Мод в надежде найти себе мужа. В отличие от Мулена, где выбор у нее был невелик – либо офицеры, чьи семьи горой встанут против подобного брака, либо бедняки, что не входило в планы самой Адриенны, - у Мод можно было встретить порядочных, состоятельных мужчин в годах, которые не против были завести себе красивую жену с манерами, пусть и невысокого происхождения. Самой Мод Адриенна тоже была выгодна: она служила украшением салона, привлекая мужчин и составляя компанию Мод при выездах на скачки и другие светские развлечения. Сидеть на местах для знати они не имели права, однако их вполне могли разглядеть потенциальные кавалеры, будущие посетители виллы Мод. В Адриенне Мод видела не только внешнюю, утонченную красоту, но и воспитание, умение поддерживать разговор – она была способна украсить собой любые встречи. С другой стороны, Мод и сама представляла собой для Адриенны ценное знакомство: ей можно было рассказывать все, не стесняясь и

¹⁰ * Венгерка – короткая гусарская куртка с нашитыми поперечными шнурами.

находя понимание. Уж не говоря о том, что она теперь спокойно выходила в свет – ее сопровождала Мод, и постыдного в этом никто ничего не видел.

В итоге Адриенна получит то, чего так желала, но история окажется долгой. Сначала за ней примутся ухаживать сразу двое: граф де Бейнак и маркиз де Жамилак. Другие тоже крутились вокруг красоты, но не удостаивались ее внимания. Чуть позже, в 1908 году, Адриенна влюбится в барона де Нексона, с которым ее свяжут годы близких отношений, а в итоге история все же завершится свадьбой. Но пока за ней активно ухлестывал де Бейнак, а также его друг де Жамилак. «Граф де Бейнак был из тех аристократов, что прочно привязаны к земле. С пышными усами, он был страстно влюблен в псовую охоту и наделен той экстравагантностью, которая, делая из него важную особу, вместе с тем составляла в глазах знакомых главную его прелесть. Никто никогда не говорил об остротах, коллекциях или даже замках графа де Бейнака, тем более о его состоянии, но всегда упоминали его акцент и оригинальность. И если порою пересказывали случавшиеся с ним забавные истории, то только для того, чтобы лучше подчеркнуть его живописность: господин де Бейнак был тем Нимродом, что сумел со своей сворой затравить, правда, не оленя, а последнего волка, оставшегося в Лимузене. Господин де Бейнак был игроком, который однажды, метнув кости, разом выиграл у своих четырех товарищей четырех танцовщиц из «Казино де Пари», чтобы отпраздновать победу, усадил барышень в бричку, запряженную четырьмя лошадьми англо-нормандской породы, и, распевая во всю глотку песни на родном диалекте, галопом пронесся по Елисейским полям. Наконец, господин де Бейнак был тем молодцом, который, поставив на своих лошадей и проиграв их, вынужден был вернуться в родную провинцию пешком, что он и проделал как ни в чем не бывало. Таков был человек, влюбившийся в Адриенну. Почти разорившись, он нашел в лице своего лучшего друга, маркиза де Жамилак, своеобразного мецената, который всегда готов был оплачивать его проказы и сам в них участвовал»^{11*}.

Дошло до того, что два друга предложили Адриенне ехать в Египет. Несмотря на всю очевидную пикантность ситуации, было решено взять с собой вторую девушку в компанию Адриенне. Из-за разразившегося скандала одна претендентка ехать не смогла, и два ловеласа начали уговаривать Габриэль. Однако Габриэль искренне не интересовалась ни фараонами, ни пирамидами, ни сфинксами, ни храмами. Гораздо позже она полюбит путешествия, но пока никакого смысла в них она не находила. Мод обещала Адриенне уговорить Габриэль, но у нее тоже это не получилось. Бездеятельность пугала Габриэль – что ей делать в Египте с поклонниками Адриенны? К тому же позиция Этьена Бальзана по этому поводу была однозначна и окончательно лишила компанию шансов уговорить Габриэль ехать.

Внешне Мод выглядела весьма примечательно: крупная женщина с лицом без проблеска мысли и без морщин (что не делало ее моложе), в странных, привлекающих внимание нарядах: похожие на мушкетерские шляпы, украшенные пером, гордо торчавшем из головного убора, словно знамя; корсажи с жабо в стиле Людовика XV; костюмы с косо срезанными полами, которые не могли скрыть ее обширные габариты. Она обожала рединготы – эдакие длинные сюртуки с шалевым воротником и разрезом сзади. Их приталенные силуэты придавали Мод величавости, хотя на других выглядели бы нелепо. На ее фоне Адриенна выглядела тростинкой, девушкой, одетой со вкусом и строго по моде: широкое жабо, приталенная юбка и широкая шляпа. Все наряды Адриенна шила себе сама, и ее способностей вполне хватало на пошив стильного, красивого платья. Впрочем, Мод не претендовала на звание законодательницы моды. Напротив, ее устраивало такое положение дел: компаньонка должна выглядеть солидно и вызывать доверие.

Габриэль вроде бы не волновали матримониальные планы, но, вернувшись, из Виши, она зачастила к Мод. С одной стороны, она скучала по Адриенне, своей единственной настоя-

¹¹ * Шарль-Ру Э. Непостижимая Шанель. М., 1997

щей подруге. Позже мы увидим это стремление Коко держать возле себя людей, которых она любила. Если они уходили от нее (не бросали, но устраивали как-то свою жизнь), Мадмуазель обижалась и сильно страдала от подобного «предательства». На Адриенну это правило распространялось с самого начала. С другой стороны, Габриэль следовало подумать о будущем: она хотела преуспеть, но пока не видела для себя никого применения. Единственный проект, который пришел ей в голову, провалился. Этьен Бальзан встретил подругу с усмешкой: «Я же говорил, пение не твоя стезя». Не то чтобы он не желал Коко успеха, но с истиной не поспоришь. Габриэль пришлось согласиться – певицы из нее не получится. Шитье пока ей виделось лишь способом заработать, причем способом не самым лучшим. Так почему бы не навещать Адриенну, оценивая обстановку, заводя новые знакомства? Этьен был невысокого мнения о Мод и ее салоне, никогда не ездил туда с Коко и не понимал тяги подруги к этому месту. Бальзану было откровенно скучно в компании, собиравшейся у Мод, а у самой Мод не было, по его словам, «ни ума, ни шарма». Приходилось признать, что это правда. Да и откуда у необразованной простушки Мод появится ум и стиль – ей вполне хватало того, чем наградила ее природа. Габриэль оставалось метаться меж двух огней: она не прерывала отношений с Этьеном и продолжала навещать Адриенну на вилле у Мод. То был период, когда она пыталась определиться, не принимая резких решений.

Именно тогда Габриэль забеременела. Она категорически не желала повторять судьбы матери и старшей сестры, поэтому для нее не существовало иного выбора, как только избавиться от ребенка. В 1905 году во Франции приняли закон об отделении церкви от государства, что весьма упростило многие процедуры. Аборты и до этого делались в довольно большом количестве: есть даже сведения о том, что женщинам предоставлялись скидки при большом количестве аборт. Это явление объясняется просто: многие француженки зарабатывали на жизнь проституцией, жили за счет состоятельных мужчин, но не в браке. Кроме того, воспитывать ребенка для женщины из низких слоев общества было попросту не на что, а в больших городах заставить мужчину жениться было уже не так просто, как в маленькой деревне или городке времен родителей Габриэль. Но процедура аборта оставалась опасной для здоровья женщины. Не исключено, что когда позже Коко Шанель захочет родить ребенка от любимого мужчины, именно из-за того первого аборта она не сможет это сделать. Тем аборт Габриэль провела черту между собственной судьбой и судьбой женщин предыдущих поколений. Она выбрала иной путь, в котором останется много места для любви, но оно практически не заполнится: не будет ни детей, ни мужа, а только череда отношений, приносивших в итоге лишь боль и разочарования.

А пока жизнь продолжала идти в прежнем ключе. Габриэль шила для своих многочисленных клиенток, ездила к Мод, вместе с ней и подругами ходила в кафе и на скачки. Последнее круто изменит ее судьбу, направив, наконец, в определенное русло. Итак, обычно Мод величаво восседала в своем жабо а-ля Людовик VI, по бокам от нее усаживались ее молоденькие протеже, которые выглядели на фоне «дуэньи» тоненькими тростинками, да еще и сущими красотками. Девушки надевали платья и шляпки собственного изготовления – денег на покупку нарядов по-прежнему не хватало. Однако им не полагалось сидеть на трибуне, где собирались сливки общества: местная аристократия, толстосумы, коннозаводчики, их жены и гости. Социальное положение не позволяло Габриэль, Адриенне и Мод занимать подобные места, это правило соблюдалось строго. Все знали, что протеже Мод стремятся максимум выйти замуж, чтобы испортить всю родословную знатных господ, а минимум – стать любовницами, кокетками на содержании богатых мужчин. Женщины их ненавидели и всячески выказывали им свое презрение. Матери, жены, сестры – все видели в них скрытую угрозу своему благополучию.

Тем не менее, Габриэль радовалась каждому посещению скачек, потому что на них всегда бывал Этьен Бальзан, большой любитель лошадей. Раз к Мод он ходить не желал, то Габ-

риэль сама пойдет туда, где он завсегда. Нельзя сказать, что она была в полном восторге от скачек, но там следовало бывать, и постепенно к ней пришла привычка наблюдать за жокеями, лошадьми, публикой, считавшей своим долгом ходить на ипподром. Для Габриэль доселе лошади являлись только средством передвижения, рабочим инструментом, которым ее предки пользовались исключительно для перевозки товара с ярмарки на ярмарку. Но теперь ей полюбилась в высшей степени элегантная походка, манера, с которой они в галопе выбрасывают ноги, гордость, с которой они держатся, тонкость их привязанностей, грустная нежность их взгляда. Разумеется, эти чистокровные скакуны не имели ничего общего с тяжеловозами-першеронами, которые по вечерам в Курпьере медленно и понуро брели к себе в стойло, или с той бедной скотиной, которая катила под непрерывными ударами кнута жалкую повозку папаши Альбера. Бальзан к лошадям относился иначе, и его подход, как коннозаводчика и любителя скачек, сначала удивлял Коко. Однако она всегда внимательно слушала Этьена, хотя пока ответить толком ничего не могла. Впрочем, ему в любом случае импонировал ее интерес: приятно, когда симпатичная девушка смотрит тебе в рот.

Постепенно Габриэль начала получать истинное удовольствие от скачек, погрузившись в этот странный мир жокеев, лошадей и аристократов, которым, по большому счету, было наплевать на бедную швею, пытавшуюся, посещая скачки, вырваться из своего убогого мирка. Неизвестно чем бы всё дело закончилось. Возвращение из Виши, казалось, поставило точку в ее истории успеха. Надеяться, что симпатизировавший ей Бальзан вдруг сделает Коко предложение, не стоило: обладавшая здравым смыслом молодая женщина прекрасно это понимала. В Адриенну безумно влюблялись, а Габриэль нравилась мужчинам и не более. Для Этьена она оставалась милой игрушкой, даже отчасти протеей, но любовью он к ней не пылал.

Оставалось надеяться на чудо, и оно произошло. Сначала, правда, чудо выглядело вовсе не привлекательно: Бальзан закончил службу и собирался уезжать из Мулена. Но для Коко в итоге это обернулось наилучшим образом.

Надо сказать, что Этьен Бальзан представлял собой весьма примечательную фигуру. Нет, не внешне – его внешность описывают как непримечательную, банальную. По крайней мере, на фоне других военных Этьен не выделялся: невысокий мужчина с пышными усами и добрым, простым лицом. Его главной характеристикой считали характер: добряк, честный малый, щедрый с друзьями, любитель поесть и выпить. Он любил жизнь во всей ее проявлениях и не желал упускать ни одного шанса. Несмотря на то, что Этьен давал Габриэль деньги для воплощения ее планов в Виши, он старался на любовниц больших средств не тратить. Среди его подруг была, например, известная куртизанка, разорившая не одного своего ухажера. Этьен избегал их жалкой участи, не имея привычки, при всей щедрости характера, тратить деньги на женские прихоти. Позже, правда, его внучка вспоминала, что дед был сильно влюблен в Коко Шанель, просто этого не показывал. Сейчас сложно судить о силе его чувств, но сделал он для своей подружки Этьен много, и она всегда вспоминала о нем с теплотой.

Родился Этьен Бальзан в 1878 году в Париже. Его семье принадлежала самая старая во Франции текстильная фабрика в Шатору, основанная в 1756 году специальным королевским указом (город был издревле славен производством тканей). Дед Этьена Жан-Пьер Бальзан унаследовал дело в середине XIX века. Он не только владел фабрикой, но и являлся управляющим городского отделения Банка Франции. Жан-Пьер умер через 13 лет после вступления в дело, и в течение почти тридцати лет фабрикой владел его сын Огюст Бальзан. Ко всему прочему некоторое время Огюст находился еще и на посту мэра Шатору. Семья Бальзан представляла собой отличный образец крупной французской буржуазии, считавшихся людьми в высшей степени серьезными, сдержанными, достойными уважения, знатоками своего дела. Умер Огюст Бальзан в 1896 году, оставив детям огромное состояние и прекрасную репутацию. Его

жена умерла практически одновременно с ним. Кроме Этьена, младшего сына в семье, наследниками остались четверо детей, из которых двое были девочками и не могли возглавить фабрику (Маргарита-Мария, и Тереза Женевьева удачно вышли замуж за богатых аристократов, приумножив состояние мужей своим приданным).

Старший сын Жак семейным бизнесом не интересовался. Так же как его брат Этьен был увлечен лошадьми, Жак Бальзан увлекался самолетами. Он стал выдающимся авиатором своего времени, пионером авиации. На его счету неоценимая помощь Франции в победе под Марной во время Первой мировой войны. Так случилось, что в сентябре 1914 года Жак патрулировал в одиночку на своем «Моране» регион к северу от Парижа. Неожиданно он заметил необдуманный маневр германской армии, которой командовал фон Крук: вместо того, чтобы прямым маршем наступать на Париж, до которого оставалось всего несколько километров, она повернула на восток и подставила свой фланг под неизбежную контратаку французов. Сразу после приземления Жак Бальзан помчался к военному коменданту Парижа, который был его личным другом, и доложил о ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.